

Юлия Идлис

Рунет: Сотворенные кумиры

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4243105
Рунет: Сотворенные кумиры: Альпина нон-фикшн; Москва; 2010
ISBN 978-5-9614-2313-6

Аннотация

Это книга о русской блогосфере, написанная как документальный роман-френдлента. Ее герои – самые известные, яркие и успешные блогеры Рунета: Антон Носик, Рустем Адагамов, Артемий Лебедев, Линор Горалик, Марта Кетро, Максим Кононенко, Сталик Ханкишиев, Вера Полозкова – восемь человек, которые стали такими, какие они есть, во многом благодаря интернету и которые сделали интернет таким, каким мы знаем его сегодня. Эти восемь человек – во всех смыслах первые лица русской блогосферы – рассказывают о том, как открыли для себя Всемирную паутину, как обустроили ее и приспособили для жизни. Нам, читающим эту френдленту, решать, как в ней жить сегодня.

Содержание

Благодарности	5
Жизнь без Гутенберга	6
dolboeb	10
Интернет для начинающих	12
Борьба за власть	15
«Живой журнал» для начинающих	24
Личное и публичное	32
Dolboeb о себе	35
Информационный гений	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Идлис

Рунет: Сотворенные кумиры

Публикуется в авторской редакции

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректор *П. Суворова*

Компьютерная верстка *Е. Сенцова, Ю. Юсупова*

Фотограф *В. Горохов*

Дизайнер обложки *Ю. Буга*

© Ю. Идлис, 2010

© Фотография. В. Горохов, 2010

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2010

© Электронное издание. ООО «Альпина Паблицер», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Благодарности

Прежде всего, большое спасибо Владиславу Крейнину за идею этой книги и «кабальный контракт»; Влад, а также несколько десятков людей, которым я рассказывала историю создания книги, знают, что имеется в виду. Разумеется, огромное спасибо всем ее героям – за их время, внимание, готовность помочь и очень интересные многочасовые беседы, которые они согласились со мной вести. Спасибо Михаилу «Qib» Якубову, Роману Лейбову, Демьяну Кудряцеву и другим отцам-основателям Рунета – за очные и заочные консультации, помощь, поддержку и, конечно же, за сам Рунет. Ну и, кроме того, спасибо всем русскоязычным блогерам – бывшим, настоящим и будущим – за их неослабевающий интерес к свободе виртуального самовыражения.

Жизнь без Gutenberga

Когда эта книга была уже написана, передо мной встал вопрос, который стоял перед всеми, кто имел отношение к русскому интернету, с момента его появления и по сей день. А именно – вопрос заглавных и строчных букв в словах «интернет», «сеть» и «рунет».

За все годы существования русского интернета толковые словари так и не смогли к нему привыкнуть и выработать единое отношение к этому странному явлению – такое, которое не раздражало бы его создателей, участников и пользователей. При этом сами создатели, участники и пользователи тоже не демонстрировали в этом вопросе никакого единодушия.

Демьян Кудрявцев, который был среди создателей одного из первых московских интернет-провайдеров «Ситилайн», сказал мне, что «интернет» и «рунет» надо писать с маленькой буквы, а «Сеть» – с большой, чтобы отличать ее от той сети, которая просто предмет с дырками.

Доктор филологических наук и преподаватель Тартуского университета Роман Лейбов, один из первых русскоязычных пользователей «Живого журнала», сказал человеку по имени Куб, который по моей просьбе проконсультировался с ним по этому вопросу, что «интернет» и «сеть» надо писать с маленькой буквы, а «Рунет» – с большой, потому что это как название страны.

Человек по имени Куб – Михаил Якубов, который в 1994 году показал Роману Лейбову интернет, а позже вошел в число создателей и руководителей одного из крупнейших российских хостинг-провайдеров «Агава», – с Лейбовым согласился и при этом, эмоционально размахивая руками, уточнил, что «Рунет» – это же практически «Россия».

Огромное количество опрошенных блогеров – из тех, кто не застал первые годы существования русского интернета и не принимал активного участия в строительстве русской блогосферы в гостевой книге «Вечернего Интернета» Антона Носика в 1996-м и в недрах американского сайта Livejournal.com в 2001-м, – сказали с некоторым пренебрежением, что с маленькой буквы надо писать все. А «Рунет» с большой буквы – это просто мания величия его создателей.

Мне кажется, эту манию стоит поддержать. Именно ей мы обязаны современным информационным пространством со всеми его атрибутами, от пресловутой свободы слова и распространения информации до возможности пообщаться с любым из живущих на этой планете – или, в крайнем случае, с его другом, родственником или знакомым, у которого есть интернет.

Как ни пафосно это звучит, создатели Рунета и первые активные участники русской блогосферы открыли для нас множество вещей, без которых современная жизнь не только непредставима, но и не имеет смысла. Они приблизили к нам континенты – обе Америки, Австралию и Африку. Они познакомили нас с множеством разных людей и явлений. Они убрали из нашей жизни большое количество заглавных букв, научившись сами и научив нас говорить о политике, экономике, бизнесе, искусстве, любви и жизни запросто, без придыхания. Благодаря им мы стали проще относиться к себе и к миру – и люди, совсем как в известной присказке, к нам потянулись.

Первый пост, от которого принято отсчитывать историю русскоязычной блогосферы как массового явления, был написан Романом Лейбовым в «Живом журнале» 1 февраля 2001 года. Первый комментарий к этому посту датирован 17 сентября того же года. Он гласит: «Ну вот, Роман, а Вы смеялись. Видите теперь, как завертелось?» Сегодня слово «завертелось» в этом контексте обозначает ситуацию, которую в 2001 году, скорее всего, не мечтали увидеть ни автор поста, ни автор комментария.

За почти десять лет своего существования блогосфера навсегда изменила в общественном сознании статус личного высказывания. Благодаря ей оно стало массовым – как и письменная культура, хотя об этом смешно говорить спустя почти шесть столетий после того, как Иоганн Гутенберг отлил свои первые печатные шрифты и напечатал свою первую Библию.

В каком-то смысле развитие блогосферы уничтожило печатный станок, придуманный Гутенбергом и к XXI веку ставший метафорическим объектом – таким символом публичного самовыражения в письменной форме.

Если задуматься, даже в XX веке доступ к этому метафорическому «печатному станку» – непосредственный или опосредованный какой-нибудь редакцией, например – был далеко не у всех. Людей, которые в силу профессии и/или призвания имели способность, потребность и, главное, возможность публично выражать себя в письменной форме, становилось все больше, но все-таки это были совершенно особые люди: поэты, писатели, журналисты, ученые.

С развитием интернет-блогов публичное письменное самовыражение перестало быть привилегией тех, кто работал журналистом, писателем или имел смелость написать что-нибудь на заборе достаточно большими буквами. Любой, кто заплатил за доступ в интернет (или воспользовался одной из сотен возможностей получить его бесплатно), оказывался потенциальным писателем и в качестве такового попадал в универсальную библиотеку, которую представляет собой блогосфера просто в силу того, что самый простой и доступный способ массовой коммуникации, известный человечеству в наше время, – это письмо.

В дальнейшем, вероятно, таким же способом массовой коммуникации, не столько открытым, сколько разработанным и популяризированным в интернете, станет видео. Истории мгновенной раскрутки в сети мультипликационных персонажей (Масяня, придуманная художником Олегом Куваевым), музыкантов (Петр Налич с доморощенным клипом к песенке Guitar) и милиционеров (майор Дымовский с видеообращением к президенту Дмитрию Медведеву о коррупции в правоохранительных органах) говорят сами за себя, как и растущая популярность блог-хостингов вроде Facebook, заточенных не только под размещение текста, но и под видео, фото и т. п.

Картинка в массовом интернет-общении постепенно замещает собою текст. Вероятно, в будущем этот тренд в сочетании с нашей «устной» эпохой, когда во всем мире снижается престиж чтения, а в разных языках расшатываются правила орфографии и пунктуации, породит новое время – время пиктограмм и иероглифов, в которое массовая коммуникация станет по большей части визуальной. А пока пора подводить некоторые итоги нашей эпохи – эпохи новой письменности, порожденной блогерами.

Постгутенберговская эпоха, о которой начали говорить еще в начале XX века в связи с изобретением кино и (позже) телевидения, на самом деле появилась на наших с вами глазах, на рубеже двух тысячелетий, с возникновением первых блогов и первых популярных блогеров, которые очень быстро стали если не соперниками традиционных СМИ, издателей и литераторов, то необходимым дополнением к ним.

Скажем, 12 сентября 2008 года на новостном сайте Newsru.com появилось сообщение о телефонном разговоре (приватном, разумеется) между главой МИДа РФ Сергеем Лавровым и министром иностранных дел Великобритании Дэвидом Милибэндом, в ходе которого два государственных деятеля матерно поссорились, обсуждая действия России во время военного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года. Подробности и выражения этой ссоры (еще раз повторяю, приватной и секретной) мировые СМИ смачно цитировали и передавали из уст в уста. Между тем, заметка на Newsru.com заканчивалась фразой, которую до появления блогов вообще невозможно было представить себе в публичном информационном пространстве: «Отметим, первым про разговор Милибэнда и Лаврова в своем блоге на сайте

Telegraph написал обозреватель *The Sun* Эндрю Портер 9 сентября 2008 года. При этом Портер ни на кого не ссылается».

То, что процитированный в блоге телефонный разговор двух дипломатов стал достоянием широкой общественности, очень симптоматично. Размыв границу между частным и публичным, приватным и широко известным, блоги породили новый тип работы с информацией, ее источниками, фигурантами и адресатами, а также новый тип отношения к разного рода авторитетам и иерархиям. Процесс появления авторитетов в блогах целиком происходит у нас на глазах: любой желающий в любой момент может оценить его в любых количественных показателях, будь то число читателей, посетителей веб-страницы, комментариев, ссылок на записи блогера и т. д. Фактически, в блогах любой желающий может воочию наблюдать за тем, как он (и тысячи других пользователей) в режиме реального времени *создает авторитеты* и что из этих авторитетов получается.

Web 2.0 (система производства и накопления контента силами самих пользователей, адресатов этого контента), частью которого стали блоги, создал, вывел из подполья и зафиксировал многие вещи, характерные для сегодняшнего информационного пространства. Самый простой и распространенный пример – «язык падонков», интернет-сленг, получивший широкое распространение именно в русскоязычных блогах. Процесс смешения письменной и устной речи в блогосфере, когда вроде бы «устная», предельно персонифицированная и неформальная речь становится письменной просто в силу того, что единственным каналом для ее передачи на расстояние большому количеству людей является записанный текст, породил целую систему «облегченной», или нарочито неправильной орфографии и пунктуации, которой щеголяют многие сегодняшние блогеры (слова типа «дневничог», «носег», «животное», отсутствие запятых, заглавных букв после точки и т. п.). Цитируя блоги в этой книге, я старалась сохранить орфографию и пунктуацию оригиналов – не для того, чтобы читатель, не знакомый с привычками и традициями русской блогосферы, пришел в ужас от того, «как пишут в этом вашем интернете», а для того, чтобы еще раз напомнить о том, что блоги – уникальное явление. Они – единственный доступный нам корпус текста, который можно условно назвать «устно-письменным». Его размеры и скорость роста позволяют предположить, что в ближайшем будущем некоторые вещи, характерные для такого текста, существенно повлияют на письменный литературный язык – если, конечно, он останется таким, каким мы помним его со средней школы.

Потому что письменный язык в постгутенберговскую эпоху, когда информацию производят и распространяют не только те, у кого это входит в профессиональные обязанности, но и все желающие, должен быть другим, – как другой должна быть и сама система работы с информацией. Ярким примером этому служит один из комментариев в блоге Антона Носика, появившийся 29 марта 2010 года, через несколько часов после взрывов в московском метро под записью, в которой Носик как частное лицо (а не как эксперт или очевидец событий) в режиме реального времени рассказывал, что ему удалось узнать, увидеть или услышать о взрывах, их жертвах и т. п. из разных источников, в том числе и по телевизору. Комментарий гласил: «Антон, пожалуйста, продолжайте обновлять информацию. Телевизор ведь не у всех есть, а большинство новостных сайтов уже лежат».

Это еще одна важная черта русской блогосферы: любой отдельный текст в ней никогда не завершен, поскольку всегда предполагает интерактивность. Текст в блогосфере – это не текст, например, отдельного поста, а текст этого поста плюс все комментарии к нему, ссылки, кросс-посты и т. п. – словом, весь его постоянно расширяющийся контекст. Поэтому текст в блогосфере не стабилен: он все время меняется, и в каждый данный момент времени у каждого данного читателя он другой. Свой собственный.

Видимо, поэтому в блогосфере невозможно договориться: в ней не существует общего знания, на котором может быть основано некое общее мнение. Зато в ней есть бесконечное

количество частных мнений, сформированных на основе самых разных наборов фактов, и бесконечное количество фактов, из которых можно выстроить любую систему аргументации.

В каком-то смысле это чистая субъективность: позиция, которую мы высказываем в блогах не как специалисты по какому-то вопросу, а как просто люди, *блогеры*, определяется исключительно нашим личным выбором (в том числе моральным) тех фактов, которые нам было не лень, не трудно и не зазорно выяснить.

В каком-то смысле это абсолютная свобода: в блогах мы действительно делаем что хотим.

В этой книге я старалась вести себя точно так же. Выбор ее героев – мой личный выбор: это блогеры, которые мне нравятся.

В каком-то смысле эта книга – моя френдлента. Правда, хочется верить, что она все же позволит читателю составить определенное представление о том, что такое русская блогосфера конца нулевых, что в ней можно и чего нельзя, кто ее герои, чем они занимаются и как стали такими, какими мы их знаем сегодня.

В каком-то смысле это истории успеха: каждый из моих героев путем проб и ошибок нашел в блогосфере свою нишу (универсальный блогинг как таковой, провокация, фотоблогинг, кулинария, поэзия и т. д.), в которой и стал одним из первых.

В каком-то смысле это история «Живого журнала» как первой массовой системы блогов в Рунете: главы книги расположены в том порядке, в котором их герои появлялись в ЖЖ.

А еще в каком-то смысле это история жизни в постгутенберговскую эпоху, которая доказывает, что засилье интернета и блогов, вопреки опасениям некоторых, не уничтожило радость живого человеческого общения. Совсем наоборот – оно сделало нас еще более живыми.

И это хорошо.

Юлия Идлис

dolboeb **блогер-универсал**

Досье

Dolboeb – Антон Носик, сын писателя Бориса Носика, журналист, предприниматель, блогер, один из первых деятелей Рунета. Родился 4 июня 1966 года в Москве, окончил Московский государственный медико-стоматологический университет (по специальности врач-уролог), в 1990 году эмигрировал в Израиль, где работал в русскоязычной газете «Вести» (основная тема – экономика). В 1997 году вернулся в Россию. Живет в Москве. Создатель многих культовых проектов Рунета – еженедельных сетевых обзоров «Вечерний Интернет», Газеты. ру, Ленты. ру, Вести. ру, NTV.ru (теперь – Newsru.com); был президентом «Рамблера», работал в компании СУП. Учредитель благотворительного фонда Romogi.org. В 2008 году запустил портал деловых новостей BFM.ru, в 2009-м – универсальный онлайн-новый справочник WhoYOUgle.

* * *

– Запомни: все, что ты найдешь в сети о моей жизни вообще и о моей жизни в Израиле, скорее всего, было написано Сережей Кузнецовым¹ по заказу Марата Гельмана², – сказал мне Антон Носик через год после того, как я взяла у него два трехчасовых интервью для этой книги. – А это все неправда.

– Думаю, мне хватит материала и без этого, – робко сказала я. – Когда мы с тобой разговаривали...

– А мы с тобой разговаривали? – с неподдельным изумлением спросил Носик. Это было уже после того, как на Луркоморье³ в статье «Антон Носик» появилось дополнение, емко характеризующее записи в журнале dolboeb с декабря 2008-го по март 2009 года, когда Носик в очередной раз был в Индии: «Кетаминный наркоман. Дискуссия о технологии вмазывания доставляет»⁴.

---

¹ Писатель Сергей Кузнецов, автор романов «Нет» (в соавторстве с Линор Горалик), «Шкурка бабочки» и трилогии о 1990-х в России («Семь лепестков», «Гроб хрустальный», «Серенький волчок»), а также книги «Ощупывая слона» об истории интернета в России.

² Бывший политтехнолог и галерист, ныне директор Музея современного искусства в Перми.

³ lurkmore.ru – пародия на Википедию, содержащая статьи о людях и явлениях (преимущественно, сетевых), написанные с нарочито предвзятых позиций, с использованием сленга, оскорблений и обсценной лексики.

⁴ Например, 8 января 2009 года в журнале dolboeb появилась такая запись: «В Гоа, как известно, наркотики. Стало быть, и борьба с ними. Это значит, что именно в штате Гоа кетамин не продается в аптеке как аспирин. В Махараштре, Карнатаке, Керале – продается, а в Гоа – увы. Поэтому в Гокарне, Бомбее или долине Катманду доктор Хаус может спокойно зайти в аптеку и сказать: «А дайте-ка мне, дружок, пару банок кетамина», и ему пробыют их через кассу по 87 рупий в

Из легенд и мифов о Носике можно составить второй том известной книги Николая Куна⁵. Его считают создателем и/или президентом по крайней мере половины популярных в Рунете проектов, от «Рамблера» и «Живого журнала» до Профессионалов. ru. В онлайн-конференциях его неизменно спрашивают, не чувствует ли он себя богом (Носик неизменно отвечает, что не чувствует, хотя каждому из его друзей «в реале» хотя бы раз приходилось выслушивать от него признания в обратном). Его израильский друг Арсен Ревазов, автор авантюрного романа «Одиночество-12», сделал Носика своим персонажем. Другой его израильский друг – Аркан Карив, писатель и тангеро, говорит, что Носик – робот, и рассказывает, что, когда тот в своем журнале спросил, как найти что-то в интернете, в комментариях к этой записи кто-то запостил двухстраничный кусок из романа Ревазова, который начинается так: «У нас сидит один забавный чувак – Антон Носик. Мой старый израильский приятель. Он делает вид, что понимает что-то в интернете и приехал на семинар. Учить наших бездельников. Семинар вот-вот кончится. Тогда он научит нас пользоваться безопасной почтой. Заодно покажет разные специальные приемы поиска в тех местах, в которых обычные поисковые машины типа Google не работают». А сын Носика – Лев Матвей Антонович, когда ему только-только исполнился год, уже играл четырьмя мобильными телефонами: раскладушкой Nokia, двумя разными «разъезжалками» и обычным Blackberry, где просто много кнопок, – это я видела своими глазами, когда пришла к нему домой на первое из интервью.

– Ну? О чем речь-то? – спросил меня тогда Носик, усаживаясь к диктофону.

– О тебе. То есть о тебе в интернете.

– И что обо мне в интернете еще неизвестно? – ухмыльнулся он.

– Многое известно, но не систематизировано... – стала оправдываться я. В этот момент я вспомнила распространенный в интернете совет «ask Google before asking me» и испугалась, представив себе объем информации, которую Google может выдать по запросу «Антон Носик».

– Ты уверена? – издевательски спросил он. И стал рассказывать.

официальной упаковке со словом «КЕТАМИН» жирными буквами на этикетке, а в штате Гоа этот аттракцион запрещен, звиняйте, дядьку. И доктор Хаус должен тут звонить Лоренсу Катнеру, чтобы тот съездил в соседний штат и набодяжил генегис (в американских клиниках генегис кетамин тоже есть, он там используется для гуманного усыпления лабораторных животных). Когда же кетамин бодряжится генегис, то он фасуется не в двухкубовые ампулы, как у Брынцалова и Гьяендры, и не в привычные обществу бутылки по 10 кубов с резиновой пробкой, а в снулые провизорские флаги по пол-литра. Если кому-то интересно, цена пол-литра совершенно кассовая и из тех же приходов исходит. 4200 рупий стоит флакон. То есть пол-литра хорошего кетыча, за спортивность которого отвечает доктор Катнер, стоит 86 с половиною долларов. И в этой кетаминовой пол-литре, как ты ее ни трактуй, на дне образуются хлопья. Нет, ну реально. Белые хлопья. Звенят и хрустят. Смотрю на них и не понимаю, что с ними делать. В пирог запечь?»

⁵ «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима», собрание античных мифов в адаптированном для подростков пересказе Н. Куна. (Кун, Н., Нейхардт, А. Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима. – СПб.: Литера, 2006.)

Интернет для начинающих

«Реальность вне интернета существует сегодня в Северной Корее, в Туркменистане и на Кубе. Реальность Москвы, Питера, любого европейского или американского мегаполиса, без интернета в 2009 году немыслима, как без мобильных телефонов и электричества.

В сети я провожу от 12 до 17 часов в сутки, начиная с 1993 года».
(Из онлайн-конференции Антона Носика на сайте Professional.ru, 10 ноября 2009)

– Летом 1990 года я работал в издательстве. Книгоиздательский цикл тогда состоял в том, что в одном месте делали фотонабор – так называемый typeset, в другом месте загружали файл с фотонабором в печатную машину и выводили пленки, которые в третьем месте, называемом «типография», превращались сначала в печатные формы, а потом в оттиски этих форм на бумаге.

Я работал в том месте, где производился фотонабор, – в издательстве. А место, где выводились пленки, располагалось от издательства в паре километров, что в городе Иерусалиме с его жарким климатом и гористой местностью было довольно утомительным путешествием. А место, где осуществлялся фотонабор, находилось в религиозном квартале Меа Шаарим. Это была лаборатория, которая печатала еврейские священные книги, ну и, в частности, русские книги для моего издательства. Клиентов у них было много, и все они таскались туда с разных концов города. И поэтому в какой-то момент владельцы этой фотолаборатории, съездив в Нью-Йорк за тем же, за чем все хасиды ездили в Нью-Йорк, – получить благословение у габби и вернуться в Израиль с набитыми контрабандой чемоданами, которые не досматривали, – привезли, помимо всех порнографических журналов, которые истинно правоверный должен ввозить из Нью-Йорка, какое-то количество модемов. С этого времени ходьба закончилась, и началась пересылка файлов телефонным способом.

Соответственно, так у меня в распоряжении появился первый модем. Я пошел в компьютерный магазин выяснять, что я с помощью этого модема мог бы делать. И мне рассказали, что существуют такие BBS'ы, куда нужно дозваниваться, регистрироваться, и можно там общаться и скачивать программы. Я попросил распечатать мне список этих BBS'ов и стал на них дозваниваться. Так я попал в компьютерную сеть.

– И что ты стал там делать?

– Завел много друзей, скачал много программ. Стал участником разнообразных обсуждений и форумов. Это еще был не интернет, это была Fido. Потом, в 1993 году, в Fido появилась конференция Internet, посвященная обмену данными между разными сетями.

Вымышленный праздник

Сегодня якобы исполняется 15 лет Рунету.

Министр связи по этому поводу открывает в экспоцентре торжественное торжество.

А на самом деле дата из пальца высосана.

Домен RU 7 апреля 1994 года был делегирован закрытому режимному предприятию.

В российском интернете в то время не было (и не планировалось) ни сайтов, ни пользователей, кроме ограниченной группы лиц, которым этот доступ предоставлялся сугубо в служебном порядке.

К интернету в нашем понимании эта келейная ведомственная микросеть имела не больше отношения, чем холерный вибрион – к Homo Sapiens.

С тем же успехом можно еще юбилей х. 25 отмечать как день рождения Рунета⁶.

Из журнала dolboeb, 7 апреля 2009

– Потом я узнал, что есть сети побольше, и там есть разновсяческие возможности. Но доступ туда можно было получить двумя способами: либо чей-то чужой, ворованный аккаунт, либо чей-то служебный аккаунт. У меня был аккаунт математического факультета Иерусалимского университета.

– Откуда?

– От одного студента, который там учился. Я использовал модемный пул Иерусалимского университета, чтобы заходить в интернет. Но тогда еще не было графического веба, так что это была общалка, и немножечко началась электронная почта тогда же. Потом настал 1994 год, появился графический веб, появились серверы, на которые можно было зайти и странички полистать с помощью браузера. Он назывался «Нетскейп». В этом «Нетскейпе» еще была такая вещь – «вьюсорс» (view source. – Ю.И.), «посмотреть исходный код». В 1994 году мы все посмотрели исходный код, а в 1995-м мы уже выучили язык, на котором там все было написано, и стали его, наоборот, писать, то есть стали делать свои странички, а потом – сайты. И Тёмины (Артемия Лебедева. – Ю.И.) первые сайты, и мои первые сайты – это все продукция 1995 года.

– Чему были посвящены твои первые сайты?

– Тогда еще Microsoft не выпустил Windows-95 – а мало было его выпустить, надо было еще, чтобы его все поставили, – и понятие русской кодировки было довольно эзотерическим. Их существовало штук 38 – разных русских кодировок. Пока Microsoft всех не изнасиловал на тему принятия в качестве стандарта его уебищной кодировки CP1251, она же Windows Cyrillic, вообще не было понимания того, что мы можем писать по-русски и понимать написанное. Поэтому первые мои страницы, так же как и Тёмины первые страницы, были на английском языке. Моя первая страница была каталогом русских ресурсов интернета. Другая страничка, которую я сделал, была посвящена технологиям создания страниц... Еще, когда умер Бродский, я сделал страничку его памяти, куда московский химик Сергей Кузнецов прислал 600 килобайт набранного им в разные годы творчества Бродского. В общем, мы научились делать странички. Потом захотели заниматься этим профессионально и учредили фирмы: Тёма – в Москве, я – в Израиле. Моя фирма называлась «Шарат».

– Как это переводится?

– «Сервер».

– Какой полет воображения, – я не могу сдержать улыбку.

– Да, – совершенно серьезно отвечает Носик. – Фирма выиграла тендер музея Израиля, выиграла тендер Банка Израиля, потом – Министерства иностранных дел и делала им сайты. А в ежедневной израильской газете, в которой я тогда работал, я писал ежедневную колонку под названием «Наша сеть».

– Про что именно?

– Про интернет. Какие есть сайты, какие есть программы. Из ныне существующих примеров наиболее похожей является колонка Саши Гагина (Паровозов News. – Ю.И.). Так я стал писать про интернет в разных изданиях и делать сайты. А тем часом мой израильский друг Дёма (Демьян Кудрявцев. – Ю.И.), с которым мы вместе все эти премудрости осваи-

---

⁶ Здесь и далее в цитатах из блогов сохраняются особенности орфографии и пунктуации авторов.

вали в свое время, приехал в Россию, пошел к нашему с ним интернетовскому знакомому по имени Тёма Лебедев и стал партнером в его студии.

– А ты с Тёмой каким образом был знаком?

– По интернету. У него были странички, и у меня были странички. Его странички ссылались на мои странички, мои странички ссылались на его. И вот Дёма и Тёма сидели в Москве и ваяли сайты. А потом мой друг Емеля Захаров⁷ захотел сделать интернет-провайдер. Потому что они, мои московские друзья, подключались к «России Онлайн», она с них брала 7 долларов за час, а сервис давала при этом чудовищный и хамский. И они решили, что сделают интернет-провайдер для нормальных людей. Взяли денег, создали провайдерскую фирму («Ситилайн». – Ю. И.). А потом им пришло в голову, что этой фирме нужен сайт. И они позвонили мне в Израиль на мобильник. Я в это время ехал с какого-то телеинтервью к себе в редакцию. Они мне сказали: «Слушай, а вот сайт, например. Кто делает сайты?» «Сайты делает Тёма Лебедев, – сказал я, – вот вам его телефон». Они позвонили Тёме Лебедеву, пришли, познакомились, подружились. Через некоторое время Дёма стал директором «Ситилайна», «Ситилайн» создал компанию «Нетскейт», компания «Нетскейт» поглотила студию Лебедева, которую она впоследствии из себя исторгла. Но следующим шагом «Ситилайна» после создания собственно сайта было осознание того, что мы, конечно, продаем людям доступ в интернет и берем с них деньги, но хорошо бы приложить усилия к тому, чтобы людям было что делать в этом интернете. Потому что, если им там нечего делать, они там недолго просидят, а мы с них берем почасовую оплату. Соответственно, следующая задача – создание контента. И тут Емеля и Дёма еще раз вспомнили независимо друг от друга, что есть у них в Израиле друг, который сидит и пишет ежедневную колонку об интернете в русской газете, откуда многие люди эту колонку вырезают и складывают на будущее, понимая, что у них сейчас интернета нет и они не понимают, о чем это, но когда-нибудь поймут, и им это пригодится. И они мне позвонили еще раз и сказали: «Слушай, вот ты колонку пишешь?». Я говорю: «Пишу». «А давай ты ее будешь писать не в газете, а в интернете?» Я сказал: «Давай». Так родился «Вечерний Интернет».

«Добро пожаловать на сервер Вечернего Интернета. Это – первое в истории Рунета ежедневное сетевое обозрение на русском языке. Издание, начатое 24 декабря 1996 года, было прервано на 17 месяцев по причинам почти объективного свойства, но с тех пор благополучно возобновлено 30 июля 2000 года с пока неясной периодичностью. Автор, составитель, веб-мастер и постоянный ведущий рубрики – журналист Антон Носик».
(С главной страницы «Вечернего Интернета» на vi.bhost.ru)

– «Вечерний Интернет» всего лишь один проект, а планов у моих друзей в России было громадье. А в Израиле продолжалось унылое кропанье сайтов, которое позволяло компании «Шарат» отбить существование сервера и секретарш. И постепенно выяснилось, что московскими делами мне приходится заниматься значительно больше, чем израильскими, хоть я и в Иерусалиме живу. И как-то само собой сложилось, что в марте 1997 года я переехал в Москву и продолжил вести «Вечерний Интернет» там. В феврале 1997 года открылся счетчик «Рамблера» – не поисковик, который открылся в предыдущем году, а рейтинг «Рамблера», – и «Вечерний Интернет» вошел в десятку самых посещаемых сайтов, а я его вел. Потом случился кризис 1998 года... Я продолжаю или уже ответил на вопрос, как я попал в интернет?

---

⁷ Емельян Захаров, бизнесмен, коллекционер, галерист, владелец галереи «Триумф» в Москве.

Борьба за власть

– В кризис 1998 года пострадали все. А интернет никуда не девался и никуда не должен был деваться.

– Почему?

– Потому что в структуре трат постиндустриального общества в ситуации необходимости затягивания поясов люди доинтернетовские скорее сэкономили бы на машине, дорогой одежде и путешествиях, но не на телефоне, а люди интернетовские скорее сэкономили бы на том же самом, но не на интернете. Есть потребности, которые входят в жизнь. Ты сперва думаешь: «Как я в интернет попаду?», а потом уже – «Как я машину поменяю?». Идея экономии на интернете, чтобы поменять машину, в кризис утрачивает актуальность. Что лучше: «Я затяну пояс и попозже поменяю машину» или «Я затяну пояс и больше не буду общаться с друзьями, читать книжки, писать тексты и т. д.»? Так что интернет продолжил расти так, будто этого кризиса не было. И Глебу Павловскому, который за этим следил, пришло в голову, что надо создать первую русскую интернет-газету. Он пригласил меня к себе и спросил, не интересно ли мне будет этим заняться.

«Весь коллектив умещался тогда в комнатке четыре на три метра, а нас было семь или восемь человек, – скажет Носик в 2006 году во время публичного интервью в московском клубе «Китайский летчик Джао Да» в рамках проекта «Разговорчики». – Будущий культовый дизайнер Линкси⁸ сидел у окна, а ныне труженик «Немецкой волны» (имеется в виду Deutsche Welle. – Ю.И.) Боря Бойчевский сидел у двери. А кроме них еще сидели Алексей Валерьевич⁹, Норвежский Лесной¹⁰, Юлия Миндер¹¹, ваш покорный слуга и другие. И вот помимо основной работы – производства Газеты.ру – Линкси и Бойчевский через всю комнату спорили: хуже тот сквозняк, который устраивает Бойчевский своим вентилятором, или тот, который Линкси устраивает открытым окном. Эта полемика была дополнительной нагрузкой к производству».

Почти все, с кем Носик начинал делать первые коммерческие проекты в Рунете и вообще заниматься интернетом всерьез, сегодня не менее известны в широких, в том числе и офлайн-овых, кругах, чем он сам. Он любит этим бравировать. Гордиться тем, что хорошо знаешь всех культовых персонажей русского интернета, особенно логично сейчас, когда одних только русскоязычных блогеров-тысячников стало столько, что со всеми не перезнакомишься, даже если поставишь себе такую цель.

Другой предмет его гордости – близость к людям, принимающим политические решения, и обладание информацией, которой другие не располагают. По сути, это вид информационной зависимости. Антон Носик – так же, как, например, и Артемий Лебедев, – из тех людей, у которых мозг никогда не «выключается», не перестает получать и обрабатывать информацию, поступающую со всех сторон. Отчасти отсюда – и другие зависимости Носика: «выключить» такую голову иногда можно только принудительно, то есть с помощью алкоголя, например.

«Напротив был кабинет Марата Гельмана и всех, кто с ним в тот момент работал, – вспоминал Носик в “Разговорчиках”». – Там одновременно могли размещаться и Макс Фрай, и радиостанция “Маяк”. А за углом находился ФЭП (Фонд эффективной политики Глеба

---

⁸ Дмитрий Белинский, дизайнер сайта fuck.ru.

⁹ Алексей «L E X A» Андреев, создатель первого русского сайта о хайку «Лягушатник» и первой радиопрограммы в интернете RadioNet.

¹⁰ Николай Данилов, журналист, блогер (в «Живом журнале» известен под ником nl), фотограф, соратник Носика по многим интернет-проектам.

¹¹ Теперь – генеральный директор Ленты.ру.

Павловского – “Разговорчики”), там была такая пробирка, а в пробирке растили жабу... и вот она у нас уже президент несколько лет. Ее растили с двух процентов. Киселев в своих “Итогах” показывал опрос: во втором туре встречаются Путин и Примаков, у Путина 2 %, а у Примакова – 75 %. А Павловский по случайности тогда был тот человек, который для нас деньги высекал из скалы. И я его спрашиваю: “Глеб Олегович, что ж вы делать будете, когда у Путина всего 2 %, а у того 75?”. Павловский отвечает: «Вы знаете, мы последние полтора года занимались тем, что надували через трубочку лягушку. Вот пришел Примаков – никому не известное хромоногое чмо – и за несколько месяцев торговли лицом на премьерском месте уже надул себе такой рейтинг. Да что Примаков! А этот комсорг пожарной бригады Сергей Степашин? Посадили его в то же кресло, трубочку сунули – и надули рейтинг за несколько месяцев. Вы посмотрите на него – он есть вообще? Его не видно. А рейтинг у него – 15 %, вы понимаете, 20 миллионов человек готовы видеть президентом России вот это вот... А этот у нас в пробирочке – ну, просто молодой пока. Вы не волнуйтесь”».

Газету.ру Носик начал делать в декабре 1998 года, набрав команду из тружеников гуманитарной сферы, которые в интернете не работали, а, по его выражению, «просто торчали»: после дефолта финансовое положение целого слоя креативщиков резко ухудшилось. Запуск издания пришелся на начало 1999-го, и в первые полгода его аудитория перевалила за 100 тысяч человек. А дальше началась политика.

– Павловский не рисковал делать свой первый эксперимент с русским интернет-изданием на собственные деньги, поэтому привлек на это финансирование «ЮКОСа», – объясняет Носик. – Соответственно, он Газету.ру не владел. И когда начала обостряться ситуация 1999-го и 2000 годов и очень высока была вероятность того, что победит «московская группа» (Лужков и Примаков), а Глеб Павловский был тесными узами связан с администрацией президента, в «ЮКОСе» решили, что не следует иметь Фонд эффективной политики подрядчиком, потому что Фонд эффективной политики с «московской группой» конфликтовал.

И люди из «ЮКОСа» предложили мне со всей моей командой делать Газету.ру в «ЮКОСе» без помощи подрядчика в лице Глеба Павловского. Я сказал ему об этом предложении. Глеб Павловский подумал минуту и сказал мне: «Мое встречное предложение состоит в том, что пусть они забирают «Газету», а ты делай, что хочешь. Бюджет предоставляю. Придумывай, чем ты и твоя команда хотите заниматься дальше в этом жанре».

Я оказался перед выбором. Поехал в Нефтеюганск, познакомился поближе с «ЮКО-Сом». Вернулся и сказал Павловскому: «Делать будем две вещи: газету, как наша Газета.ру, – аналитическое комментарийное издание, и ленту новостей. Потому что лента новостей – это товар повышенного спроса. В Газете.ру лента новостей – 60 % того, что люди читают. Лента – это отдельный жанр, который надо сейчас осваивать: информационное агентство в Сети. А газету надо делать, потому что это приятная вещь и приятные люди в ней работают». Глеб посоветовался и вернулся с ответом: «Как же это прекрасно! Давайте делать».

Поэтому, когда «ЮКОС» тем же летом нанял команду, которая будет продолжать издание Газеты.ру вместо нас, мы этой команде радостно передали все, что имело отношение к Газете.ру, и запустили с 1 сентября Ленту.ру, а ближе к октябрю запустили газету «Вести». А в это время компанию «Нетскейт» – то, что от нее осталось после кризиса 98-го года и выхода из нее Студии Лебедева, – купил Владимир Гусинский. И через некоторое время выяснилось, что Гусинскому мои друзья этот самый «Нетскейт» продали, включая и «Вечерний Интернет», который я продолжал вести, вместе со мной в качестве менеджера.

– А тебе забыли сказать?

– Нет, они сказали, но после того, как продали. Ну, сделка и сделка, никого же нельзя подставить... Соответственно, между мной и «Медиа-Мостом» начались разговоры

по поводу того, как бы я мог возглавить эту структуру, продолжая заниматься тем, чем я занимаюсь, то есть «Лентой» и «Вестями».

В результате этих переговоров Носик стал делать портал на базе НТВ, который должен был стать частью интернет-холдинга «МеМоНет» («Медиа-Мост Нетворкс»), задуманного Гусинским. Поскольку 80 % бюджета «МеМоНета» шли на предоставление пользователям канала «НТВ+» доступа к интернету, задача портала NTV.ru состояла в том, чтобы, по словам Носика, «продемонстрировать преимущества хорошего интернет-канала перед плохим». Иначе говоря, сделать такой сайт, который было бы неудобно читать, подключившись к сети через модем, потому что на нем много графики, аудио и видео. Фактически это был мультимедийный новостной сайт, который в России так никто и не сделал до 2005 года, когда в одночасье появился и раскрутился YouTube. Открыться сайт НТВ. ru должен был в сентябре 2000 года.

– Но поскольку в августе подводная лодка, как известно, столкнулась с телевизионной башней – сгорело «Останкино» и прекратился телесигнал в стране, – мы открылись на месяц раньше запланированного срока, просто чтобы люди не сидели без новостей, – вспоминает Носик. – Потом Гусинского прижали, выдавили из страны, забрали часть бизнеса. Когда про остальную его часть договорились, в рамках этой договоренности бренд «НТВ» и все с ним связанное Гусинский отдал новым владельцам – «Газпрому», условно говоря. И перед НТВ. ru встал вопрос переименования. А я уже к тому моменту оттуда ушел, потому что на другом месте работы возникли вопросы. Они возникли в связи с тем, что Лента. ru была куплена владельцами «Рамблера», им захотелось, чтобы я его возглавил, потому что «Рамблер» терял миллионы долларов, а Лента. ru при очень большой посещаемости была близка к безубыточности, на которую мы довольно быстро вышли. Им захотелось, чтобы я такой же экономический финт сделал с «Рамблером». Поэтому я из «Медиа-Моста» отвалил и возглавил «Рамблер». А НТВ. ru переименовалось в Newsru.com, и под этим труднопроизносимым названием мы его с тех пор знаем и любим.

Как кончается все

Меня оставили без НТВ, без журнала «Итоги», без газеты «Сегодня».
Еще три месяца – и непонятно, что я буду слушать в машине вместо «Эха Москвы». Музыку, вероятно.
Попробуем сохранить НТВ. ru.
Но чует моя пятая точка, что вряд ли это получится.
Из журнала dolboeb, 18 апреля 2001

Пессимизм...

Почитал **отклики коллег** на запись про НТВ, оставленную 10 дней назад. Ни одной даже попытки моральной поддержки, одни утешения, местами отдающие злорадством. Типа, невелика потеря, да мало ли без чего мы умеем на свете обходиться. Забавно ощущать, как тебя хоронят заживо. Но у этого психологического феномена есть и обратная сторона: everybody loves the winner. Осталось только им стать.

Наступает момент истины, которого я жду уже больше года. Сейчас у меня есть реальная техническая, интернетовская возможность ограничить юрисдикцию всей навалившейся на нас своры – навалившейся, как я и предполагал, уже сильнее на Ленту, чем на НТВ. Лента им гораздо страшней,

потому что не принадлежит Гусинскому, не имеет долгов, недоступна политическому контролю и реально является самым читаемым СМИ в Рунете. NTV.ru они будут пытаться забрать через Черемушкинский суд, поднять над сервером флаг Газпрома, а вот Ленту «отжать» нельзя – ее можно только уничтожить, чем они уже вплотную занялись, открыв наступление сразу по трем фронтам. Интересно, удастся ли выстоять здесь. Рассчитывать, очевидно, не на кого, «если не я за себя, то кто за меня». Но я готов побороться: закон на моей стороне, и стратегия продумана загодя. Хотя, разумеется, и у них есть немало «домашних заготовок» на эту тему.

Из журнала dolboeb, 26 апреля 2001

– Что это была за история, когда у тебя отнимали Ленту.ру?

– У меня никто не отнимал «Ленту», потому что я «Лентой» не владел, – когда Носик хочет уйти от ответа, он обычно прибегает к формальной логике, постепенно заводя собеседника в самые ее дебри. – В те времена, когда мы с Глебом Павловским создавали наши первые три проекта, такого понятия, как «акции интернет-компаний», не существовало: ни у одной интернет-компании не было юридического лица.

– То есть вы все платили друг другу в конвертах.

– Какое это имеет отношение к твоей книжке? – улыбается Носик.

– Мне интересно.

– В то время белая зарплата в негосударственных структурах РФ была страховой схемой, по которой предприятие страховало сотрудника на случай, если он вдруг через месяц не умрет, – Носик откидывается на спинку стула и продолжает с какой-то ностальгической улыбкой: – Неумирание сотрудника в течение месяца было страховым случаем. Если он не умирал, ему выплачивалась страховая премия в размере зарплаты. Это называлось платить по-белому. Весь остальной оборот осуществлялся, разумеется, в конвертах. Единственным исключением из этого правила в том тысячелетии был холдинг Гусинского. Потому что Гусинский понимал, что его прижмут, и он понимал, что до тех пор, пока ему будут инкриминировать наркотики и оружие (до наркотиков не дошло, а оружие было), весь мир будет понимать, что это политическое преследование. А вот если Гусинский попадет на несоблюдении налогового законодательства – в Америке за это дают 200 лет, поэтому лично ему нельзя платить людям зарплату в конвертах. Поэтому Гусинский попадал еще примерно на 70 % от того, что он платил сотрудникам, – просто потому, что платил вбелую. Поскольку ни у кого другого в государстве этих проблем не было, все остальные если и платили с каким-то оформлением, то это были, в основном, аннуитеты по дожитию. Не было юридических лиц, не было акций, ни «Лентой», ни «Газетой», ни «Вестями» я не владел, и отнять их у меня по этой причине было сложно. Лента.ру была продана Павловским по моей просьбе владельцам «Рамблера». Если бы она не была продана, ей пришлось бы зарабатывать деньги тем способом, которым зарабатывают издания «Фонда эффективной политики».

– А именно? – спрашиваю я с ощущением, что мой вопрос – часть носиковского монолога, этакая его перебивка, композиционная игра.

– За счет озвучивания определенных политических идей, – с готовностью говорит Носик. – А Лента.ру создавалась с совершенно другими целями. Тут уместен вопрос, почему Глеб Павловский согласился создать проект, настолько перпендикулярный его задачам.

Образуется пауза. Мне не хочется задавать вопрос, буквально продиктованный интервьюируемым, но, во-первых, вопрос действительно уместный, а во-вторых, остановить Носика в разгар «вещания» все равно невозможно.

– И почему же?

– Потому что для всех остальных проектов, которые он создавал, чтобы решать свои задачи, нужны были аудитория, трафик, – с еще большей готовностью говорит Носик.

Слышно, что тема эта – любимая, ностальгическая, много раз обдуманная и обговоренная, отшлифованная этим многократным повторением до блеска, до состояния басни. Как и множество других тем из самых разных областей – музыка, наркотики, любовь, секс, книги, Израиль, СССР, Индия, история, медицина, бизнес, лингвистика, кино, кошки... – Лента.ру создавалась как сайт с огромной аудиторией, с огромным трафиком, которого никакой политической проект, понятно, иметь не мог. И этот трафик доставался «Фонду эффективной политики», своему учредителю, бесплатно. Для других проектов ФЭПа Лента.ру была, во-первых, бесплатной рекламной площадью, а во-вторых, для самого ФЭПа она была демонстрацией его неограниченных возможностей в деле строительства популярных сайтов, помогавшей ему получать заказы на создание новых – в частности, национальной информационной службы Страна.ру.

Но все это было до того, как выиграли «Единая Россия» на думских выборах и Путин – на президентских. Стало очевидно, что «Ленте» надо выбирать – хочет ли она оказаться в ситуации отработки политических заказов или хочет бороться за то, чтобы трафик, который она на себя собрала, стал коммерчески ликвиден. Во втором случае ей надо было перестать быть частью ФЭПа и стать частью какого-нибудь холдинга, занимающегося традиционным интернет-бизнесом, то есть показом страниц и продажей на них рекламы. Первыми покупателями оказались владельцы холдинга «Рамблер», им и продали. Так я попал в «Рамблер». «Ленту» у меня никто не отбирал.

Другой вопрос, что мне предложили из нее уйти в 2004 году в связи с тем, что я начал еще один проект, который назывался Mosnews, и этом проекте у меня был партнер по фамилии Невзлин, – Носик снова улыбается. Знакомство с одним из бывших владельцев «ЮКОСа» Леонидом Невзлиным на кухне у Демьяна Кудрявцева – одна из первых баек, которые я услышала о Носике от него самого, и, видимо, одна из любимых. – Естественно, что некоторым людям в структурах власти не понравилось, что Лентой.ру руководит человек, у которого есть такой партнер, и они об этом сказали «Рамблеру». «Рамблер» об этом сказал мне. И тут предмета для спора не возникло. Потому что за пять лет моей работы в «Ленте» там удалось построить такой коллектив, который без меня мог со всем прекрасно справиться. И если мое присутствие создавало какие-то политические проблемы и риски, самое правильное, что я мог в этой ситуации сделать, – это отвалить и сосредоточиться на других проектах, которые у меня в тот момент были. Что я и сделал.

В устном изложении Носика все получается очень гладко, благородно и даже прекраснодушно. Однако в марте 2009 года читатели его блога получили возможность усомниться в этом. На их глазах буквально из нескольких фактов, в том числе непроверенных и относящихся к стародавним временам, когда Рунет был еще не таким большим, родился так называемый медиасрач: публичное выяснение отношений в «Живом журнале» между пользователями dolboeb и damian (Демьяном Кудрявцевым).

11 марта dolboeb написал, что его «друзья-пиарщики нарыли сюжет о темном прошлом православного банкира Пугачева», который получил место в сенате, скрыв судимость и предъявив в отдел кадров липовый диплом. *«Мои друзья-пиарщики, разумеется, захотели поделиться своими находками с человечеством, – пишет dolboeb. – Тем более что в их распоряжении оказался депутатский запрос, где все эти интересные сведения перечислены. И тут вдруг выяснилось неожиданное. Оказалось, что православный банкир успел нанять агентство черного PR “Темный соратник”, которое обошло все сколько-нибудь заметные бумажные и интернетовские СМИ с пачками денег и оплатило на несколько месяцев вперед блоки на любое упоминание своего клиента. Поэтому информацию, которую вы прочтаете в этом посте, не могут опубликовать больше нигде. Я в жизни своей не встречал такого плотного эмбарго. И, конечно же, Вовочке, на имени которого православный банкир в свое время сделал карьеру, такой блок не снился. Сажая и выдавливая из страны потен-*

циальных критиков, он не сумел добиться такой зачистки информационной поляны, которую организовал за деньги лукавый еврей Лео Ляйблих из “Темного соратника”. Клиенту аттракцион обошелся примерно в 1 миллион долларов в месяц, Ляйблиху – тысяч в 80, но кто ж тут считает. Интересен принцип. В мою бытность гендиректором Ленты и Рамблера в “Коммерсанте” блок поставить было нельзя. Заказуху – запросто, через Михайлова унд Партнеры, но не блок. А теперь у нас, оказывается, кризис. То есть людям с бабками все можно. Лишь бы платили. За скромное финансовое вознаграждение Лео Ляйблих из агентства черного PR “Темный соратник” организовал полную потерю интереса корреспондентов “Коммерсанта” к своему клиенту. А где КоммерсантЪ, там и Газета. Ру, хотя полагаю, что конверты заносятся отдельно».

Прозвучавшее в адрес «Коммерсанта» и всех остальных российских СМИ обвинение было серьезным. Один из первых комментариев к этому посту гласил: «Вас грохнут». Старинный друг Носика и по совместительству генеральный директор ИД «Коммерсантъ» Демьян Кудрявцев у себя в блоге ответил на это довольно резко: *«Что-то случилось с моим другом Антоном Носиком. Он, надеюсь, временно, сошел с ума. Прежде чем публиковать фигню и ерунду, забыл позвонить по адресу и навести справки. Раньше за ним такого не водилось. <...> Андейт. Пока я писал этот пост, мне перезвонил Антон. И я спросил, с чего он взял, что Ъ взял денег за блок. Антон отказался отвечать по существу и сказал, что это очевидная практика газеты, ведь еще в 2001 году Ъ взял денег у Яндекса посредством компании “Михайлов и партнеры”, за то, чтобы “мочить” Антона как президента Рамблера. В частности – недостоверным материалом под заголовком “Антон Носика уволили из Рамблера”. 1. Я не вижу никакой связи. 2. Долгая память Антона меня поражает и радует. 3. Я убежден, что материал 2001 года не был «проплачен», но он был неверен, Носика действительно не увольняли из Рамблера, хотя стоило бы. 4. Никакая личная обида и никакие события 2001 года не дают права Антону и кому-либо другому писать непроверенные гадости. 5. Легкость, с которой Антон в одном высказывании попытался дискредитировать уже не только Коммерсантъ, но и Яндекс, – меня лично очень расстроила».*

И вот тут Носик на глазах у всей блогосферы ушел в отрыв. Позже, когда эта история вышла за пределы ЖЖ и о ней стали писать другие онлайн- и даже офлайн-СМИ, выдвигались разные объяснения этому, но большинство сводилось к тому, что «кетамин в Индии забористый». Главный редактор «Коммерсанта» Андрей Васильев на сайте «Сноба» прокомментировал ситуацию с более консервативных позиций: «Я встречался с ним [с Носиком. – Ю.И.] в ночь с четверга на пятницу в “Маяке” и говорю ему: “Антон, а зачем ты это все про “Коммерсант” написал?” Он мне ответил: “Был пьян”. Для меня это абсолютно убедительно. Я знаю, что Носик абсолютно нормально относится к “Коммерсанту” и т. д., ну а так как это сообщение в ЖЖ, говорят, датировано пятью утра, ну, все бывает...»

Отрыв же, собственно, выглядел так.

Перерывчик небольшой

Поскольку я за сутки получил около дюжины звонков и СМС на тему своего «исчезновения» из Интернета, спешу всех успокоить.

Никакого отношения к православному банкиру Пугачеву или очередному истерическому говношоу, устроенному моим другом Демьяном Борисовичем на пустом месте, этот перерыв не имел. Я простудился и проспал сутки под лекарствами от простуды.

По поводу размещения заказухи в газете «КоммерсантЪ» буду краток, благо расстался полчаса назад с Андреем Васильевым.

Человек, утверждающий, что текст «Антон Носик уволен из Рамблера» появился на первой полосе Ъ случайно, без чьего-либо умысла, просто не отвечает за свои слова. Что совершенно нормально для Дёмы, поскольку он поэт. А во времена этой публикации был еще и невъездной в Россию, так что обстоятельств дела не знает и знать не может. Зато их знаю я, досконально. Я знаю, в каком отделе, в какой PR-компании за эту публикацию выставили счет клиенту. Знаю и другие публикации в Ъ, за которые та же самая PR-компания выставила счета другим клиентам. Андрей Васильев мне на это сказал: «Ну ты ж понимаешь, что счета можно выставить и за публикацию, которая не была заказной, если она отвечает интересам твоего клиента». Он совершенно прав, это норма жизни в мире PR-услуг. Не все публикации, за которые клиент платит своему пиарщику, были этим пиарщиком заказаны. Некоторые возникли самотеком, но их отмониторили, и счет за них выставился обычным порядком. Так случилось со статьей про 40-минутное отключение «БиЛайна», которую КоммерсантЪ поставил главной новостью дня, когда дружественная PR-компания держала бюджет МТС. Андрей мне подробно рассказал генезис той статьи, и я ему верю, что выставление счета МТС за ее публикацию было мошенничеством со стороны посредника. Но про заголовок «Антон Носик уволен из Рамблера», увы, Андрей ничего не знает, как и Дёма. А знать-то там особенно нечего. Я пытался увести из дружественной Коммерсанту PR-компании одного талантливого менеджера, с которым лично знаком больше 30 лет и который первую работу пиарщика получил у меня в Ленте. ру. У него в компании была зарплата 700, я предложил 1500 и пост PR-директора Рамблера. Ему тут же повысили зарплату на текущей работе до 2500, и я из тендера вышел.

Пока мы с PR-компанией боролись за этого сотрудника, он мне совершенно честно говорил: «Антон, мои текущие наниматели тебя уничтожат. У них неограниченная квота размещения черного пиара в Коммерсанте».

Я в ответ лишь весело смеялся, поскольку КоммерсантЪ представлялся мне бастионом свободы слова и единственным СМИ, где не берут заказухи. Тем более против меня.

Но после публикации на обложке этой газеты заголовка «Антон Носик уволен из Рамблера» (ведущего на стр. 19, где о моем увольнении нет ни строчки) я утратил иллюзии. И понял, что мой друг знал порядки размещения в Коммерсе сильно лучше меня. Как я теперь понимаю, он знал их лучше и Дёма, и Васильева.

Разумеется, и Дёма, и Андрей при упоминании этого эпизода врубают дурочку и говорят «Мы не знаем, как это туда попало».

Но эта отмазка убедительна только для них самих.

В реальности дихотомия очень простая.

Либо опровержение лжи в том же месте, где она была напечатана, и служебное расследование об обстоятельствах заказа, либо вы, друзья мои, соучастники бизнеса по размещалову.

<...>

В 2001 году я очень хотел судиться с ИД «КоммерсантЪ» за эту клевету.

Но пожалел своих друзей и бастион свободы слова, так что судиться не стал.

В 2009 году у моего ЖЖ больше читателей, чем у Ъ на бумаге, и эти читатели более влиятельны (некоторые из них, в частности, возглавляют государство и правительство, другие решают, кому дать кредиты ВТБ и ВЭБ).

Поэтому по факту упоминания Ъ в моем посте про Пугачева Дёма закатил ту постыдную истерику, которую закатил.

Меня в этой истерике не устраивает ровно одно. Упоминания компаний «МиП» и «Яндекс». Это публичный пересказ частного телефонного разговора между двумя старинными друзьями. Это примерно как я сейчас начну в ЖЖ публиковать все, что я про Дёму знаю. Но я не начну, не так воспитан, расслабься, любимый. И убери нахуй две этих компании из своего поста. Я тебе давал всего лишь clues для служебного расследования, которое ты отказываешься провести. Если ты не готов отвечать за свой базар, то не лезь, пожалуйста, в залупу. Пост был не про ваше блядство, а про Лео Ляйблиха, который берет с клиента миллион в месяц, доносит до площадок двадцать тыщ, а на остальное покупает квартиры, машины и дачи. Я этот бизнес хочу уничтожить, а не ИД «КоммерсантЪ» со всем его размещаловом, при упоминании которого вы с Васей так неуклюже врубаете дурочку.

Из журнала dolboeb, 13 марта 2009

Так Антон Носик, часто и много рассуждавший о специфике, а также о бессмысленной беспощадности сетевой полемики, сам стал жертвой синдрома «Живого журнала». В самых общих чертах синдром этот можно описать так: любая полемическая реакция в ЖЖ становится гораздо жестче и радикальней, чем была бы, например, при личной встрече участников дискуссии или даже в их частной переписке. В каком-то смысле блогосфера провоцирует человека на автоматическое письмо: стимулом к написанию поста или комментария зачастую становятся не длительные размышления, а непосредственная сиюминутная эмоция. А дальше уже язык ведет блогера, порой заводя его довольно далеко. Нигде с такой легкостью не напишут незнакомому человеку «умри, сволочь», как в блогосфере, – просто потому, что у блогеров нет других жестов, кроме слов. К тому же публичность конфликта ставит его участников в позицию шоуменов, от которых публика требует продолжения, подначивает, аплодирует и всячески поощряет все новые и новые «набросы [говна на вентилятор. – Ю.И.]».

В августе 2009 года Носик так прокомментировал свой «срач» с Демьяном Кудрявцевым для московского TimeOut: «Можно поругаться по телефону и пару дней не разговаривать. А то, что происходит в публичном поле, – шоу, для которого расхождение во мнениях – отправная точка и питательная среда. Я в своем ЖЖ написал о блоках на информацию, допуская, что блок можно поставить не только за деньги, но и, например, по телефонному звонку. И назвал, кстати, несколько изданий. Интересная тема – это ведь вредный для СМИ рынок, большой и коррумпированный. Но только Дёма решил мне ответить. Тоже через ЖЖ. Он написал, что я сошел с ума, потому что блоков в “Коммерсанте” не бывает и быть не может. С этого момента сюжет про блоки стал сюжетом про то, как мы поссорились. И эта история оказалась гораздо увлекательнее для публики. Таков закон шоу-бизнеса – видимый конфликт интереснее, чем невидимый».

Можно добавить только, что закон шоу-бизнеса в ЖЖ предполагает еще и приоритет личного над всем остальным. Блоги – это не только возможность писать о себе и общаться с друзьями, но и возможность читать личные записи известных, но незнакомых с тобой людей. Так что вполне закономерно, что срач двух старинных друзей, которые к тому же являются

видными медиаменеджерами, ЖЖ-аудиторию заинтересовал больше, чем анализ ситуации с блоками на информацию в российских СМИ. Срач всегда будет интересовать блогеров больше, чем анализ.

«Живой журнал» для начинающих

История о том, как dolboeb стал dolboeb'ом, от многократного повторения превратилась почти что в притчу. Как говорит сам Носик, это притча про «общение между живым человеком и неживой многопользовательской СУБД» (системой управления базами данных).

– Вот, у тебя есть логин на «Ведомостях», и ты была первая, кто залогинился на «Ведомостях», и ты была там Julia, – тоном библейского пророка начал Носик, когда я спросила его, почему все-таки он dolboeb. – А пришла ты на «Коммерсантъ» логиниться – там за пять лет до тебя залогинилась какая-то Julia. В результате ты заебешься разбираться, где ты Julia, где ты Idlis, где ты Julia Idlis, и т. д. В 1994 году, когда для меня эта проблема актуализировалась, Anton где-то был свободен, а где-то занят. Помнить, где я кто, уже тогда не хотелось. Поэтому я взял первый попавшийся набор латинских букв, которые легко один раз на всю жизнь запомнить и который всегда будет свободен в любой англоязычной вновь создающейся системе логинов, будь то Yahoo, Geocities, *Wall Street Journal*, *New York Times*, Usenet, Gmail, – потому что никого так не зовут, и ни у кого это не фамилия, и ни в каком западном языке случайного омонима нет. Иначе говоря, это просто набор букв, который гарантированно свободен в любой западной системе регистрации. Российских систем, предусматривающих регистрацию, тогда еще не было. До появления Mail.ru оставалось четыре года. Соответственно, это было удобно – помнить, что ты везде вводишь эту строчку и везде либо она свободна, либо она твоя.

А потом, в связи с тем, что некоторым пишущим журналистам понравилось существование ЖЖ как системы, его стало модно обсуждать в прессе. И тут встал вопрос, готов ли я к публичному предьявлению себя окружающему миру. Выбор был простой: либо завести журнал Anton Nossik, чтобы взаимодействовать с миром, либо не заводить его и не взаимодействовать¹². Поскольку на тот момент я совмещал самое большое в своей жизни количество руководящих должностей в разных холдингах, корпорациях и редакциях – главный редактор объединенной редакции интернет-вещания в «Медиа-Мосте», вице-президент «Рамблера», генеральный директор и главный редактор Ленты.ру, главный редактор газеты «Вести», – то комментарии в неделю у меня брали десятки. И все, что я хотел сказать широкой публике, этим, а также «Вечерним Интернетом» исчерпывалось. А в ЖЖ я позволял себе какие-то высказывания, и мне совершенно не хотелось, чтобы они становились предметом обсуждения в прессе. И мне пришло в голову, что, имея такой ник, можно гарантировать, что никто не будет цитировать тебя как тебя.

– Почему? Цитировать-то все равно можно.

– Нет. Цель была достигнута на пять полных лет.

– То есть тебя пять лет не цитировали в прессе?

– Мой ЖЖ – нет. Пять полных лет это было табуированное слово для местной прессы.

Потом уже, когда, блядь, Головинский суд рассмотрел иск Льва Сигала к журналу dolboeb¹³

---

¹² Журнал anton_nossik он все-таки себе завел – вернее, воспользовался старым журналом с таким названием, который кто-то из пользователей ЖЖ завел от его имени. В январе 2008 года Носик начал публиковать там посты из серии «100 фактов про Антона Носика» – о рождении, о смерти, о музыке, которую он слушает, о своей женитьбе на Ане Писаревской, о том, как познакомился с первым носителем ВИЧ-инфекции в СССР, и т. д. То есть свою, пусть и несколько беллетризованную, но все же автобиографию.

¹³ На самом деле табу на слово dolboeb в прессе продержалось всего три года. В 2004 году Лев Сигал в своем ЖЖ sorex написал целую статью о нелегальных рабочих на стройках компании «Дон-Строй». Носик в своем ЖЖ dolboeb написал, что статья лживая и, вероятно, заказная. Сигал оскорбился и подал в суд, обвиняя dolboeb'a, а вместе с ним и Носика в клевете, оскорблении чести, достоинства и деловой репутации, и потребовал один рубль в качестве компенсации. Однако на слушание истец опоздал, в связи с чем дело было закрыто, а судебное решение так и не вынесено.

и половина иска была посвящена размещенным в этом журнале комментариям, Газета.ру написала, что моя большая заслуга перед отечественными блогерами состоит в том, что я сделал слово «долбоеб» частью делового оборота в виде судебных документов.

На этом, впрочем, Носик не остановился. В апреле 2009 года он запустил универсальный справочный портал с не менее табуированным для российской прессы названием WhoYougle, а в ноябре получил за нее Премию Рунета в номинации «Здоровье и отдых». За месяц до этого мы с Носиком и его женой Аней Писаревской провели несколько дней в кинотеатре «35ММ» на конкурсных показах кинофестиваля «Завтра/2MORROW», где Носик был в жюри блогеров. На второй день общение наше приняло конвенциональный характер. Носик ловил какое-нибудь слово в разговоре – например, «веник» – и говорил: «А я знаю рифму к слову “веник”». «Хуеник», – незамедлительно отвечала я, и Носик расцветал счастливой улыбкой. «Это потому, что ты поэт», – торжественно объявлял он. «Нет, это потому, что Юля провела с тобой много времени», – смеялась Аня.

Поэтому, что бы Носик ни говорил о своих мотивах, сочетание букв dolboeb уж никак не было для него случайным. Мат – такая же торговая марка для него, как и для Тёмы Лебедева; разница в том, что Тёма ограничивает его употребление публичной сферой (то есть матерится только в своем ЖЖ на глазах у нескольких десятков тысяч читателей), а Носик с удовольствием матерится как в ЖЖ, так и в личном общении, и в интервью для прессы. Он и в современную литературу вошел как персонаж, наделенный двумя исключительными качествами: доскональным знанием компьютера и интернета и виртуозным владением ненормативной лексикой.

«Носик оказался приветливым человеком лет тридцати с небольшим. У него были большие грустные глаза, длинные тонкие пальцы и голубая кипа, прикрепленная к почти бритой голове, судя по всему, двусторонним скотчем. Носик прочел нам небольшую лекцию про безопасную почту, ухитрившись практически ни разу не воспользоваться нормативной лексикой.

Он говорил примерно так: “Сначала заебениваем вот такую хуйню, чтобы злобучие пидоры отсасывали не нагибаясь (Носик левой рукой каллиграфическим почерком выводил командную строку), потом – хуяк – ебем блядских мудозвонов в жопу этим пассвордом, а потом – пиздим эту поебень...” Мы с Антоном благоговейно вслушивались и понимающе качали головами. Мотя сидел с отсутствующим видом.

– А если нас все же попытаются выследить? – робко спросил я.

– Нам по хую все, что им не по хую. А если им не по хую, что нам по хую, то пусть они идут на хуй.

– Ясно, – сказал Антон.

Я никогда не был ханжой, и мне понравилось, что Носик – такой простой и доступный человек».

(Из романа Арсена Ревазова «Одиночество-12»)

Первая подзамочная запись в ЖЖ будущего мультитысячника и человека, который в компании СУП будет занимать загадочную должность Social Media Evangelist, то есть одновременно торговать лицом одного из самых популярных блогеров Рунета (dolboeb’а) и служить мальчиком для битья в конфликтах блогеров с администрацией «Живого журнала», – первая подзамочная запись в его ЖЖ появилась 25 февраля 2001 года. В ней хозяин журнала, у которого тогда было около 70 подписчиков, обещал, что станет вести его под замком, как только в ЖЖ соберутся «все правильные люди», и добавлял: «*Надо только попинать хозяев ЛивЖурнала, чтобы сделали еще пару вариантов protected mode:*

- записи, доступные только зарегистрированным пользователям сервиса;
  - записи, доступные тем, кто тебя во friends добавил.
- У кого-нибудь есть с этими орлами контакт?»

Отличие пользователя dolboeb от подавляющего большинства других пользователей «Живого журнала», которые тоже в свое время начинали с нескольких десятков френдов, состоит в том, что через пять лет после такой записи, в октябре 2006 года, Антон Носик уже встречал в Домодедово с цветами¹⁴ Брэда Фитцпатрика, создателя Livejournal.com, прилетевшего в Москву, чтобы оформить партнерство с созданной не без участия Носика компанией СУП, получившей право обслуживать кириллический сегмент «Живого журнала». А 12 марта 2007 года СУП объявила о покупке Livejournal Inc., то есть всего Livejournal целиком.

Секрет в том, что Носик, в отличие от подавляющего большинства посетителей сети, действительно готов вкладываться в то, что его интересует. Искать контакты американского студента, сделавшего Livejournal.com, чтобы сообщить ему, как именно можно улучшить его сервис. Выяснить у лингвистов, почему в английском варианте написания фамилии Nossik правильно писать две буквы s. Шерстить интернет в поисках следов первого советского ВИЧ-инфицированного, чтобы написать пост из серии «100 фактов о себе». Это вообще отличает потенциального и реального мультитысячника от всех остальных пользователей: первый готов заморачиваться, если его что-то заинтересовало; у последнего интерес так и остается интересом.

А может, секрет в том, что Носик знает будущее. Ну, или, во всяком случае, твердо уверен, что знает. «Блоги существовали задолго до того, как выдумалось это слово, – скажет он в публичном интервью в рамках проекта “Разговорчики” в том же 2006-м. – Были люди, которые периодически публиковали свои соображения, наблюдения, какие-то ссылки, рекомендации и так далее, и каждый следующий выпуск клали выше предыдущего с возможностью обсуждения написанного здесь же, на странице. Лично я этим занимаюсь с 24 декабря 1996 года, а термин «блог» считается датированным 1999 годом... Тогда это было только у тех, кто мог сверстать HTML-страницу, это зависело от усидчивости, от технического любопытства – это все был порог входа. Этот порог входа закреплял поляну интернет-вещания за людьми, способными себе соорудить микрофон. Слово «блоги» отражает некую историческую эпоху: микрофоны слепили и раздали всем и каждому... В 1996 году вы могли из этих блогов узнать мнение 12 людей, владеющих языком HTML. Сегодня можно узнать мнения 120 миллионов человек, не владеющих никаким языком, даже, может быть, своим родным».

– Ты пришел в ЖЖ в 2001 году?

– Ну, да.

– И в отличие от многих, ты уже был довольно известным персонажем в интернет-тусовке.

– Да, конечно.

– По твоим ощущениям, твой вход в ЖЖ отличался от входа нынешних тысячников?

Почему ты вообще туда пришел?

– У меня была и до сих пор никуда не делась привычка становиться пользователем любого интернет-проекта, предлагающего новую функциональность. Потому что мне поло-

---

¹⁴ «Дорогие товарищи френды. Завтра вечером в Москву, как уже сообщалось прибывает небезызвестный Брэд Фитцпатрик, он же **bradfitz**, он же **brad**. Пробудет тут до 22 числа. Его собственный опрос (<http://brad.livejournal.com/2257134.html>) по программе пребывания дал под сотню комментариев, но без участия Брэда. Так что завтра нам предстоит выяснить его собственные пожелания на свободное от наших прессух, вечеринок и совещаний время. А вопрос у меня такой: не хотим ли мы (в данном случае имею в виду ту часть моих френдов и читателей, которая по какой-либо причине не собирается на дебаты Немцова с Рогозиным в Клуб на Брестской – <http://www.dadebatam.ru/>), учинить в Домодедово флэшмоб с цветами-оркестром? Или придумать какой-нибудь другой способ демонстрации Брэдли Джозефу Петровичу Фитцпатрику теплых чувств? Какие будут соображения?» (Из журнала dolboeb, 16 октября 2006)

жено знать, какие сервисы функционируют, что в них есть, какой какого лучше, – и с точки зрения обозревателя, и с точки зрения эксперта, и с точки зрения человека, отвечающего за развитие сервиса. Поэтому у меня есть аккаунты во всех почтовых системах, сколько ты их знаешь.

– И ты их все проверяешь?

– Да упаси боже. Я же их никому не даю. У меня есть почта на «Мейле», на «Рамблере», на «Яндексе», на «Хотмейле», на «Яху», на «Гугле» и черт-те где еще. У меня есть аккаунты в любой социальной сети, будь то «Мой круг», «Мир тесен», «Твиттер»... У меня есть контакт в любом мессенджере, нужном и ненужном: в «Яху-мессенджере», в MSN, в аське, в «Маккоме», – Носик пускается в перечисление и называет сочетания звуков, которые никому, кроме него, создателя соответствующего сервиса и, может быть, еще десятка его случайных пользователей ничего не говорят. А я думаю о том, что мозг Носика – помимо прочего, еще и кладбище интернет-стартапов, где на каждой могилке аккуратно записаны дата создания, платформа, совместимость с разными операционными системами и причина смерти, причем довольно точно диагностированная. – И пришел ко мне Лейбов, и стал говорить в начале 2001 года: «Смотри, какая прекрасная вещь. Смотри, какая прекрасная вещь». Я посмотрел, зарегистрировался, создал журнал, настроил его оформление. Взял присланную мне по почте моим иерусалимским приятелем политическую статью, скопипейстил оттуда кусок, выложил в ЖЖ¹⁵. Это был мой первый пост. Я увидел, что да, интересная машинка. Раньше у нас были инструменты, чтобы вручную на HTML писать сайты. И все сайты дошли, потому что добавляешь новую страницу – надо исправить все предыдущие, чтобы она там появилась в ссылках. А теперь есть возможность только писать текст, а всей версткой и публикацией занимается специальная машинка – прекрасная функциональность. Но мне-то зачем? У меня есть «Вечерний Интернет», я одновременно и главный редактор «НТВ-портала», и руководитель в «Яндексе», и руководитель в «Ленте». У меня хватало публичности, зачем мне еще ЖЖ? Но, с другой стороны, там собрался приятный народ.

Промежуточная статистика русского Livejournal

Из незалинкованных пока (по тем или иным причинам) юзеров LJ: nl¹⁶, 54kg¹⁷, kmaka¹⁸ сегодня обнаружился в LJ живой Гагин¹⁹, был немедленно добавлен во френды. Заметил-то я его раньше, но по картинке ничто не предвещало, что это Гагин. Покуда он сам не сознался.

Осталось изучить: labas²⁰, sap²¹. Всего же, если верить статистике, в LJ участвует 51 русский. Посмотрим, сколько их будет через месяц и какой процент будет перелинкован между собой (пока у меня во френдлисте 6

---

¹⁵ Первый пост dolboeb'a – от 7 февраля 2001 года – был такой: *«Но если создать правительство национального единства окажется невозможно, Ариэль Шарон сможет уверенно управлять страной с помощью узкой коалиции. Для этого более чем достаточно общественного мандата, полученного им 6 февраля. Эяль Арад, руководивший предвыборной кампанией Шарона, ошибается, заявляя, что состоявшиеся выборы “были референдумом по вопросу о национальном единстве”. Куда ближе к истине оценка Узи Ландау, полагающего, что “результаты голосования представляют собой безоговорочный вотум недоверия премьер-министру, согласившемуся на раздел Иерусалима”»*. У него было три комментария.

¹⁶ <http://nl.livejournal.com/>

¹⁷ <http://54kg.livejournal.com/>

¹⁸ <http://kmaka.livejournal.com/>

¹⁹ <http://lepin.livejournal.com/>

²⁰ <http://labas.livejournal.com/>

²¹ <http://sap.livejournal.com/>

человек, я во френдлисте у 8, незалинкованных знакомых – еще 3, итого вычислить удастся 17 человек, каждого третьего).

Из журнала dolboeb, 6 марта 2001

– Если мы возьмем месяц моего прихода, то это и Рома Лейбов, и Саша Гагин, и Сережа Кузнецов, и Ваня Давыдов, который за неделю до меня пришел, и Тёма Лебедев... И Толик Воробей – пользователь avva, с которым я познакомился в израильских доинтернетовских сетях в 1993 году; впоследствии он стал первым русским сотрудником ЖЖ, работая из Израиля удаленно. Собрались люди, с которыми, в общем, приятно обсуждать разные вопросы. И ЖЖ был форматом обсуждения с ними, не общения с публикой – для этого были другие ресурсы. Поэтому, когда на мой собственный журнал обращали внимание какие-то издания, мне это не нравилось: он не для этого был предназначен. Это не был рупор для общения с миром.

– Но все-таки твои посты были в открытом доступе?

– Нет, не были.

– Разве? – к тому моменту я прочитала журнал dolboeb с 2001 по 2008 год и могла поклясться, что практически все записи в нем открытые.

– Не были. Открытый доступ был потому, что ЖЖ тогда был не у всех.

– Но значит, все равно все было в открытом доступе...

– Нет. Предполагалось, что вот сейчас соберутся все люди, которые мне интересны, – и я закрою доступ. На протяжении 2001–2002 года больше 90 % записей в моем журнале – это записи под замком. Поскольку ты мой френд, ты можешь пойти туда и прочитать их.

Я пошла и действительно их прочитала – вернее, прочитала заново. Подзамочные посты в ЖЖ dolboeb начинаются где-то с июля 2001 года; в сентябре того же года открытых записей вообще только две – в середине месяца; остальное – классический подзамочный «лытдыбр». Может быть, мне казалось, что ранние его «лытдыбровые» посты были открытыми, потому что они ничем не отличаются от нынешних его постов? Просто теперь он не считает нужным скрывать записи, которые другой бы постеснялся или побоялся вешать без замков.

Такое же ощущение было и у его тогдашних читателей. В комментариях к рассказу о том, как ему в полшестого утра позвонила девушка из Internet Media House Russia с мелким операционным вопросом по рекламе, который вполне можно было бы решить с линейным менеджером Ленты. ру, а не с ее главным редактором и президентом «Рамблера», тогдашний директор проекта «Интерактивное телевидение» корпорации ARRAVA Никита Корзун пеняет Носику, что, дескать, размещение такой записи у него в ЖЖ – черный пиар.

Носик возражает, что его журнал – не публичная площадка, а личный дневник: «Если я захочу разобраться с ИМНО публично – я дам интервью, распространю пресс-релиз, соберу пресс-конференцию, перешлю кое-какие интересные документы в пару-тройку изданий. А здесь я просто пар выпускаю». В ответ на это Корзун замечает: «Не кажется ли тебе некоторое лукавство в употребляемом слове “публичность”? Распространенность ЖЖ в целевой аудитории, которой было бы интересно прочесть твою трогательную заметку с последующими выводами, влияющими на бизнес, тебе известна. Даже несмотря на непубличность. <...> Просто, с учетом того, что ты прекрасно отдаешь отчет в весе твоих слов/отношений на часть этой непубличной аудитории, мне показалось, что это пахнет слегка дурно».

С одной стороны, если учесть, что я сейчас цитирую даже не пост, а переписку двух медиаменеджеров под подзамочным постом, который в момент его написания был адресован дай бог сотне читателей, нельзя не согласиться с Корзуном. Тем более что обе компании – и ИМНО, и Лента. ру – благополучно дожили до сегодняшнего дня на рынке и по-прежнему дорожат своей репутацией в деловых кругах.

С другой стороны, то, что я цитирую, – личная переписка под подзамочным постом, и решение вынести ее на всеобщее обозрение – исключительно мое, не говоря уже о том, что оно довольно хамское.

А с третьей стороны, Носик ведь уверен в том, что знает будущее; вряд ли он не отдавал себе отчет в том, что со временем и его замки, и его матерный ник *dolboeb* перестанут быть препятствием для цитирования его в СМИ и в литературе.

– В принципе, это было адресовано тем 700 френдам, которые за первые пару лет появились. Но постепенно чтение и ведение ЖЖ вошло в привычку, и разница между писанием для 750 человек и для 1750 человек стала неочевидной. В ЖЖ сместилась та площадка, которой раньше был «Вечерний Интернет».

– То есть?

– Был «Вечерний Интернет», его единственным фидбэком была гостевая книга «Вечернего Интернета» с некоторой публикой, постоянно там тусующейся. Я им всем рассказал про «Живой журнал», они постепенно завели себе там аккаунты. Мало-помалу оказалось, что с ними там можно точно так же общаться, как и посредством «Вечернего Интернета». Но «Вечерний Интернет» верстался вручную, а «Живой журнал» верстался автоматически. И постепенно «Вечерний Интернет» перестал обновляться, а «Живой журнал» продолжил.

Удивительное – рядом

Не прошло и полгода, как я обновил «Вечерний Интернет». Зашел в его гостевую книгу и обнаружил оттуда ссылку сюда.

Ни за что в жизни не поверю, что *livejournal* когда-нибудь станет жанром, представляющим интерес для кого-то, кроме его непосредственных авторов. Впрочем, их с каждым днем становится все больше вокруг. Того и гляди, ICQ заменит.

Из журнала dolboeb, 14 февраля 2001

* * *

Одним из более или менее постоянных обновлений журнала *dolboeb* в феврале-марте 2001 года был роман о грузинском киллере по имени Нана Гонобанович Чацахия. Вернее, даже не роман, а его обсуждение, которое шло одновременно в двух журналах – *dolboeb* и *г_1*. Роман Лейбов²² и Антон Носик, одни из первых русскоязычных пользователей «Живого журнала», как и полагается в русской текстоцентричной культуре, тестировали новую интернет-игрушку с помощью интерактивного литературного творчества.

Постепенно в него оказались втянутыми и офлайн-персонажи – в основном в качестве потенциальных жертв Наны Гонобановича.

Возвращаясь к Нане Гонобановичу

Он, разумеется, серьезный человек, решающий проблемы. Способ решения предсказуемый, но нетривиальный: он разрубает людей до седла. Предварительного наличия седла при этом не требуется. Достаточно

---

²² Доктор филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы Тартуского университета, создатель первого гипертекстового интернет-романа «РОМАН» (1995) и интерактивной онлайн-игры «Сад расходящихся хокку» (1997).

просроченных задолженностей по кредитам, в возвращение которых не верит заимодавец (клиент, соответственно, нашего героя).

На этом, собственно говоря, сюжетная линия Наны Гонобановича и заканчивается. Дальше уже любовь, весна, эпидемия, почки на ветках – и бессмысленная жестокость русской жизни в чистом своем виде. Нана Гонобанович появляется в последний момент, чтобы разрубить до седла всех основных действующих лиц. Типа Годо такой, только с шашкой.

Из журнала dolboeb, 7 февраля 2001

Один из соавторов при этом был в Москве, а второй – в Тарту. «Живой журнал» оказался отличной площадкой для виртуального эксгибиционизма: русскоязычные читатели ЖЖ, которых тогда было всего несколько десятков, конечно, знали оба журнала и легко могли сложить целостное повествование о том, как два друга по интернету пишут роман у всех на глазах, из постов, появлявшихся в двух ЖЖ сразу и зачастую одновременно. Тогда, в начале «Живого журнала», это было возможно еще и потому, что френд-ленты у немногочисленных пользователей кириллического сегмента ЖЖ практически совпадали: если у тебя во френдах был Лейбов, значит, там был и Носик, и наоборот. Впоследствии аудитории мультитысячников разойдутся: читателям пользователя vego4ка ничего не скажет сочетание букв stalic, а подписчики блога mrparker не будут ничего знать о Марте Кетро. «Живой журнал» станет собранием сообществ и почти не пересекающихся кружков по интересам.

Но пока ничего этого в ЖЖ нет, как нет и сотни русскоязычных читателей. Поэтому там есть возможность писать роман, в который включен весь «кириллический сегмент» ЖЖ и даже некоторые офлайновые персонажи.

Профессор Лейбов предлагает ввести в повествование реальных людей.

В том смысле, чтобы их потом – после публикации глав с их участием – разрубали до седла своим порядком, по логике «самосбывающихся пророчеств».

Из журнала dolboeb, 9 февраля, 2001

См. у А.Н.

Нет, я думал как раз о ныне живущих (тьфу-тьфу-тьфу). Они принуждены будут задабривать автора, чтоб не пасть жертвой Н.Г. Чачахия в следующей серии.

Тут важно вовремя организовывать маленькие совпадения.

Скажем, в пятой серии читаем:

«Незнакомая никому девушка с восточным разрезом глаз, одетая во что-то слишком обтягивающее, проходя мимо столика, задела бедром неловко сдвинутую в сторону тарелку с карпаччо. Тарелка грохнулась на грязноватый кафель пола. Ицкович поморщился, он успел съесть от силы три ломтика.

В соседнем зале Нана Гонобанович весело улыбался рыжеволосой Насте, делая ей рукой прощальный знак...»

Непосредственно после публикации пятой серии девушка с восточным разрезом глаз, одетая во что-то слишком обтягивающее, проходя мимо столика, задевает бедром неловко сдвинутую в сторону тарелку с карпаччо. Тарелка падает на грязноватый кафель пола.

Прочитавший пятую серию Ицкович, не успев пожалеть о недоеденном блюде, вскакивает и бежит в соседний зал, но обнаруживает там лишь рыжеволосую девушку и стакан гренадинового напитка перед ней.

Девушка глядит в сторону выхода из заведения, загадочно улыбаясь.
Из журнала r_1, 9 февраля 2001

– Мы на протяжении нескольких недель тестировали этот сервис и разные его возможности. Надо же было придумать какие-то способы его использования, которые бы позволяли оставить там больше одной записи, – вспоминает Носик. – И я подумал, что это, например, хороший инструмент для литературных проектов: можно придумывать тут какой-то роман с продолжением. Но прежде чем его писать, надо было предложить сюжет. Потому что один роман уже был написан, он назывался «Роман» в честь Лейбова и был гипертекстовым романом, который любой желающий мог продолжить. Это был проект, который Делицын²³ делал вместе с Лейбовым и Вербицким²⁴. А тут можно было придумывать сюжет. Мы стали придумывать сюжет, то есть я решил, что мой ЖЖ – это площадка для написания романа. Наме-тил персонажа, и мы стали – в основном, с Лейбовым – придумывать к нему сюжет.

– Там фигурирует Дмитрий Ицкович²⁵, а роман – про киллера. Ицкович должен был погибнуть?

– Киллер попадает в московскую богемную тусовку, и все персонажи оказываются постепенно разрублены. Лейбов предположил, что подходящей кандидатурой для разрубания мог бы быть Дмитрий Соломонович Ицкович, потому что он виктимный тип. И после того, как мы с ним начали это предположение обсуждать, творчество пошло бойчей. Потому что мы стали изучать обстоятельства, при которых этот киллер в «Пирогам» на Большой Дмитровке поедает мясное карпаччо, или Ицкович поедает мясное карпаччо, а киллер за соседним столиком накачивается потихонечку...

– А что за рыжая девушка там у вас фигурирует?

– Ну, рыжая девушка с зелеными глазами, с которой сидит то ли Ицкович, то ли грузин. Это, в общем, баловство было такое, в процессе которого мы дожили до момента, когда «Живой журнал» стал клубом общения по интересам. И тогда роман как бы сам собой забылся.

Нана Гонобанович, куда же вы

ERROR

Journal has been deleted. If you are r_1, you have a period of 30 days to decide to undelete your journal²⁶.

Ицкович тупо таранился на пустую страницу лейбовского журнала. Потом наморщил лоб, почесал в затылке и неожиданно резво рванулся в соседний зал. Но угловой столик, за которым совсем еще недавно плечистый кавказец подливал рыжей девушке в стакан гренадина, был пуст. И официанты уже успели убрать с него крошки и пепельницу.

«Не догнать», – в сердцах подумал Ицкович.

Из журнала dolboeb, 10 декабря 2001

---

²³ Леонид Делицын, бывший геолог-физик, сооснователь Международного союза интернет-деятели «ЕЖЕ», создатель первого сетевого литературного конкурса «Тенета».

²⁴ Михаил Вербицкий, математик, эссеист, блогер и писатель, редактор сетевого журнала: LENIN:, создатель русско-язычного блог-сервиса Lj.rossia.org.

²⁵ Создатель и совладелец Объединенного гуманитарного издательства, сети литературных кафе О.Г.И., клуба Bilingua и интернет-ресурса Polit.ru.

²⁶ <http://r-1.livejournal.com/>

Личное и публичное

«При всем уважении к Кузнецову С.Ю. и другим авторам, популяризирующим сервис “Живого журнала” на примере конкретных дневников отдельных пользователей, мне все же не кажется, что записи, которые там делаются, уместно рассматривать в качестве публичного высказывания. Дневник – он и есть дневник, записи и выписки, сырой поток сознания. Это не статьи и не проза, и лично я свой дневник пишу только для себя (хоть и не возражаю против ознакомления с отдельными заметками ограниченного круга друзей, коллег и знакомых), – писал dolboeb 25 февраля 2001 года. – Тут могут возразить, что если я так свято оберегаю privacy своих заметок, ничто не мешает сделать их закрытыми для публичного доступа. Строго говоря, я так и поступаю: адрес моего дневника нигде за пределами Livejournal не публикуется, и поисковыми машинами эти записи тоже не индексируются. Учитывая демографию и общие размеры WWW, такой пассивной защиты должно быть достаточно для того, чтобы ресурс не считался публичным. Открытый доступ нужен мне лишь для того, чтобы продемонстрировать возможности Livejournal тем из моих друзей и знакомых, кто еще не начал пользоваться этим сервисом».

Этот «дисклеймер» довольно долго висел на видном месте в журнале dolboeb, но уже через полгода его существования все желающие могли убедиться, что действительности он не соответствует. Dolboeb быстро стал тысячником; мнение его, даже высказанное в якобы непубличном дневнике, мгновенно расходилось по сети и за ее пределами, а уже через три года частная запись, сделанная в ЖЖ, стала поводом для судебного иска и громкого разбирательства с освещением этого события в прессе. Да и странно было бы думать, что открытый дневник человека, рабочий день которого выглядит так, как Носик описывает его в одном из постов у себя в ЖЖ, может оставаться частным и непубличным:

«Через полчаса в офис прибудет съемочная группа РТР.

К трем еду на конференцию по угрозам (для) пользовательского контента.

К семи еду в эфир радиостанции “Говорит Москва”.

К восьми собирался на концерт Умки, но вовремя сообразил, что это завтра.

Так что с восьми я радостно сяду поработаю в офисе.

Может, фактов о себе напишу или колонку в любимый журнал...

***Update:** отбарабанил на Москве, выступил на конфе, дал комментарий Вестям24.*

В 21:30 в прямом эфире Маяка на полчаса по любому».

У Носика, вокруг которого, в силу его работы и склада характера, всегда было больше людей, чем вокруг среднестатистического пользователя интернета, планка «публичности» выше, чем у многих. Публичность для него начинается там, где у обычных людей – уже «мегапопулярность» и даже «звездность».

«Я приехал в Израиль в 1990 году, и я был в очень большом радиусе единственным человеком, который владел английским, ивритом и русским, – вспоминал он в публичном же интервью для проекта “Разговорчики”. – И поэтому выстраивалась очередь из всяких там Таймс, Би-Би-Си, “Мааривов” и так далее, чтобы взять у меня интервью: “Как вы приехали?”, “Как вам здесь?”, “Как было там?”. Не потому, что я такой интересный. Просто приехал миллион человек; один из них говорил на иврите, поэтому все ивритоговорящие побежали к нему. На английском – к нему же. Так что прежде чем я стал давать комментарии

в профессиональном качестве, я был интервьюирован много десятков раз и при этом в таких изданиях, о которых не мог даже помыслить, что они заинтересуются моей скромной персоной (мне было тогда 23 года), просто потому, что я знал те языки, на которых они только и могли задавать мне вопросы».

В ЖЖ довольно скоро выяснилось, что «своих людей» у Носика больше 750, – такое ограничение на количество френдов у одного пользователя было в «Живом журнале» до 2006 года, когда появилась компания СУП и ее руководящие сотрудники, в том числе и Носик, получили возможность давать задания по изменению структуры сервиса американским программистам из Livejournal Inc. Кроме того, Носик, который одним из первых в России начал говорить о самой возможности капитализировать популярность и аудиторию блогера в ЖЖ, открыл благотворительный фонд Romogi.org, сбор денег в который осуществлялся в том числе и с помощью объявлений в тогда уже многотысячном журнале dolboeb.

– Огромное количество личных нужд решается через ЖЖ, – сказал он мне в 2008 году. – Это найм сотрудников, получение рекомендаций, помощи в каких-то вопросах...

– Это все вещи, которые можно сделать, только если ты – тысячник.

– Так я и был тысячником с 2002 года.

– А до того, как ты стал тысячником? Я просто хочу понять, в какой момент ЖЖ из инструмента общения стал бытовым инструментом.

– Очень быстро. Просто это был другой бытовой инструмент. Вот, например, ЕЖЕ-лист: это список рассылки. Сегодня там, наверное, человек 400 подписчиков. Он существует с 1997 года, я до сих пор на него подписан, мне все письма приходят, я их иногда читаю, отвечаю на них. Есть такая форма жизни, как общение с людьми по закрытой подписке. В любой момент ЕЖЕ-лист мог бы решить, что количество людей, которые могли бы быть нам полезными, оправдывает наш отказ от прежней политики секретности. И можно вынести все это на какой-нибудь веб-форум, разрешить всем регистрироваться и участвовать в этих дискуссиях. Это было бы логично. Поскольку такого не случилось, возникло сообщество «Хабрахабр» (habrahabr.ru) – собственно говоря, ЕЖЕ-лист с открытым членством. Есть формат общения между своими – он не в ЖЖ создавался и с появлением ЖЖ никуда не делся. А есть формат общения закрытый, который при разрастании сообщества до определенного размера может естественным образом перерасти в открытый. С моим ЖЖ так случилось, а вот с girls_only, например, так не случилось.

– А у тебя есть какие-то ограничения на ведение ЖЖ в связи с твоей популярностью? Меня вот, например, всегда удивляла смелость, с которой ты постишь в открытом доступе фотографии ребенка и другую личную информацию.

– Видишь ли, мое ебало столько времени уже светится в телевизоре, что было бы наивно думать, что я могу быть невидимкой, – усмехается Носик. – Но ты абсолютно права. Все, что относится к личной жизни, то есть все, о чем пишут в ЖЖ 90 % тех людей, которые его ведут, в моем является абсолютно запретной темой. Я веду его с 2001 года. Когда я начинал его вести, я был женат. Потом я с этой женой расстался. Потом у меня были какие-то беспорядочные и упорядоченные связи – с кем-то я жил год, с кем-то – полгода. Уже несколько лет я живу с Аней. Ничего этого ты в моем ЖЖ не найдешь: ни «расстался», ни «разошелся», ни «сошелся», ни «встретил», ни «полюбил».

Можно составить город?

Все-таки поразительно хитровыдолбанная штука – близкие человеческие отношения.

Вообще непонятно, откуда все так внезапно берется и куда потом так же внезапно девается.

Общедоступный пост из журнала dolboeb, 21 сентября 2006

– Никакого идентифицирующего указания на моего текущего партнера в моем ЖЖ никогда не было. Там не написано, как называется ЖЖ моей мамы. Не потому, что я стесняюсь, а потому, что нет никакой причины, чтобы жизнь других людей и их отношения со мной становились предметом обсуждения в таблоиде, где каждую запись читают от 30 до 70 тысяч человек ежедневно.

Первые фотографии Ани, которые я себе позволил поместить в ЖЖ, были связаны с рождением ребенка и нашей свадьбой. Если ты поищешь по двум моим дневникам (dolboeb и anton_possik. – Ю.И.), то раньше нашего брака никакого упоминания об Ане там нет.

То есть она может там упоминаться – будет ссылка на какой-нибудь ее пост и т. д., поспешно уточняет Носик, видя мой недоверчивый взгляд, – но совершенно не в контексте того, что это моя девушка, или мать моего ребенка, или моя жена. Потому что те, кому надо об этом знать, и так знают. Есть огромное количество злой воли, булькающей в этом котле ЖЖ, и я совершенно не готов быть наводчиком на своих близких.

<...> Мы с Аней вчера сочетались гражданским браком.

Для людей, проживших до этого четыре года в любви и согласии, успевших за это время завести пятимесячного ребенка и почти четырехлетнюю кошку²⁷ (Боже, как время быстро летит), штамп в паспорте – не Бог весть какая вежа. Но, во-первых, никто из нас не сирота, а во-вторых, у Ани это первый в жизни опыт.

Общедоступный пост из журнала dolboeb, 13 февраля 2008

---

²⁷ <http://dolboeb.livejournal.com/432084.html>

Dolboeb о себе

Факт 1: Рождение

Я родился в московском роддоме имени Грауэрмана 4 июля 1966 года около восьми часов пополудни.

В то время он находился на Калининском проспекте.

Теперь уже нет в Москве ни Калининского проспекта (он переименован в Новый Арбат), ни роддома Грауэрмана (видимо, кому-то в дни дикой приватизации глянулся уютный особняк, где это учреждение располагалось). Остался лишь гигантский экран на стене здания, где показывают рекламу. Что там показывали в советское время, не помню, но явно не рекламу. Кажется, киножурнал «Новости дня» про ход уборки озимых.

Говорят, моему появлению на свет способствовало светило московского акушерства, профессор Исаак Рафаилович Зак, ставший спустя 19 лет моим тестем, а ныне обитающий в районе Ocean Parkway, что на Брайтон-бич.

<...>

Мои родители зачали меня осенью 1965 года по уговору со своими друзьями, супругами Пивоваровыми, тогда же решившими заводить ребенка. Накладка, однако, состояла в том, что я очень не хотел рождаться, и в результате долгих уговоров согласился явиться на свет лишь спустя 10 месяцев после зачатия (41 год спустя мой сын Лев Матвей Антонович унаследовал эту неторопливость, пересидев в утробе больше двух недель). Поэтому Павел Витальевич Пивоваров (aka Павел Пепперштейн), зачатый со мной одновременно и ставший моим молочным братом, родился 29 мая 1966 года, на 35 дней меня раньше, зато в один день с Леонидом Леонидовичем Делицыным, о существовании которого он, впрочем, едва ли подозревает.

Я не очень много помню про времена своего рождения. Первые воспоминания детства относятся у меня к 1970 году, когда мы с мамой на лето поехали в страну Чехословакию, о которой будет отдельный рассказ.

Из журнала anton_nossik, 25 января 2008

Это первый пост из автобиографического проекта «100 фактов обо мне», в который Носик превратил расхожий ЖЖ-флешмоб: пользователь писал пост, в котором был список из ста коротких фактов²⁸, и предлагал еще нескольким френдам написать такие же посты у себя. Каждый «факт» у Носика из простого упоминания (например, «Я был знаком с человеком, который первым завез на советскую территорию вирус иммунодефицита человека», факт № 69) превращается в развернутое эссе с множеством ссылок, дат и интересных деталей.

Естественно, и аудитория «ста фактов о Носике» больше, чем аудитория «ста фактов» о любом другом пользователе. Причем Носик сделал ее себе сам.

Начиная проект, он написал в журнале anton_nossik: «*При очередном пролистывании свежей подшивки небылиц, сочиненных обо мне разнообразными анонимами и почетными финалистами известного конкурса, захотелось написать о себе 100 фактов. Но тут же*

---

²⁸ Например: 1. Меня зовут Вася Пупкин. 2. Я умею жарить яичницу. 3. Я учился в школе № 765 и т. д.

подумалось, что выйдет не просто фолиант, а – двухтомник, потому что укладывать значимые факты в одну строку мне затруднительно, да и непонятно – зачем.

Затем пришло в голову, что каждый факт, если он займет пару и более абзацев, нужно делать отдельным номерным постом и что нет ни малейшей причины этот эпос

из 100 нумерованных фактов обо мне опубликовать в **dolboeb**. Для такой публикации куда

более уместен титульный аккаунт **anton_nossik**. Но там всего лишь 245 френдов сейчас, и PR=2, а я как-то не привык писать для столь камерной аудитории. Посему, если среди читающих эти строки есть желающие сподвигнуть меня на создание 100 постов с фактами о себе, то они приглашаются зафрендить аккаунт **anton_nossik** и поддержать его ссылками».

В первые же часы после публикации этого поста журнал **anton_nossik** зафрендил 460 человек, и Носик начал писать. По данным серверной статистики за январь 2008 года у его основного журнала **dolboeb** было 11 126 подписчиков, а каждый отдельный пост в нем прочитывало около 32 900 уникальных пользователей. Естественно, среди них было по крайней мере несколько тысяч человек, которых жизнь и мемуары **dolboeb**'а живо интересовали, – хотя бы ради того, чтобы разгадать секрет его дрящей популярности.

Когда на блог-платформе **Twitter.com** появилось приложение под названием **Mobster World** – фактически, игра в «мафию», – скорость и механизмы капитализации этой популярности стали предметом обсуждения и восторга среди русских пользователей «Твиттера».

– «Дон Носик» меня просто восхищает, – сказал мне осенью 2009 года тогдашний издатель журнала «Что читать?» Александр Гаврилов, глядя в рейтинг **Mobster World** у себя в телефоне: третье место среди почти миллиона играющих по всему миру уже несколько месяцев занимал **Don Nossik**. У него была третья по численности мафиозная группировка в игре.

– Как ты играешь в **Mobster World**, что твой **Don Nossik** время в топе? – спросила я как-то самого Носика.

– Я тебе могу рассказать, как я играю, – Носик вытащил iPhone, запустил там **Twitter** и показал мне ленту, в которой, кроме коротких записей от френдов, были и игровые сообщения – в частности, о том, что такой-то «попытался напасть на вас и потерпел поражение, проиграв вам **NNN** долларов». Сообщений о том, что кто-то победил Дона Носика, не было. Как, впрочем, и сообщений о том, что Дон Носик хоть что-нибудь сделал для своей победы – купил на игровые деньги лишнее ружье, вооружил свою банду бронжилетами, провернул ограбление банка, чтобы заработать. Фактически, Носик в «мафию» не играл: он побеждал, потому что остальные игроки об него расшибались.

– А если на тебя все-таки нападет кто-нибудь, кто сможет тебя победить? – спросила я.

– Людей, которые могут меня победить, существует всего трое или четверо, – ответил Носик. – И они не играют в «мафию».

Сорок один

Константин Кноп (**knop**) составил список своих (и моих, соответственно) сверстников: Роман Абрамович, Борис Крюк, Петр Кулешов, Андрей Луговой, Олег Митволь, Максим Мошков, Иван Охлобыстин, Григорий Перельман, Ирина Салтыкова, Майк Тайсон, Александр Халифман, Андрей Чесноков, Алекс Экслер. Ваш покорный слуга там алфавитно встрял между Мошковым и Охлобыстиным.

Продолжу, пожалуй: Ирина Апексимова, Ольга Арефьева, Павел Астахов, Ринат Ахметов, Холли Берри, Стивен Болдуин, Сергей «Африка» Бугаев, Андрей Геласимов, Витя Дробыш (...), Янка Дягилева, Ильдар Жандарев, Михаил Живило, Патрисия Каас, Тигран Кеосаян, Егор Кончаловский, Алексей Кортнев, Кристиан Крахт, Тимур Кулибаев, Джон Кьюсак, Юлия Латынина, Шинейд О'Коннор, Павел Пепперштейн, Михаил

Прохоров, Марк Равенхилл, Allah Rakha Rahman, Арсен Ревазов, Дмитрий Рыболовлев, Адам Сэндлер, Глеб Фетисов, David Filo, Сальма Хайек, Billy Zane.

Кто больше?

Из журнала dolboev, 16 ноября 2007

– Что будет дальше с сотней фактов о тебе? – спросила я летом 2008 года, когда в публикации «100 фактов» наступил значительный перерыв.

– У меня материала есть до самой смерти их писать. У меня же нет задачи нагнать туда трафик. Задача была – когда у меня освободится время на то, чтобы написать какую-то нетленку, создать место, куда ее складировать. «100 фактов» – это же фундаментальный жанр, там нет текстов по одному абзацу, это такие главы про жизнь.

– То есть мемуары.

– Такие развернутые мемуары, да. И мне еще не столько лет, чтобы они закончились.

– Ты собираешься их публиковать?

– Книжкой? Ну, это примерно к 40-му выпуску будет понятно.

– Почему именно к 40-му?

– Потому что 40 – это достаточный объем, чтобы издать первый том, даже если не готов писать следующие 60.

Факт 100: Смерть

Количество моих жизней, которые необратимо закончились на одном моем веку, едва ли хватит пальцев пересчитать, но всякий раз невозможно поверить, что так же бесследно пройдет и нынешняя, что все вещи, которые меня сегодня живо волнуют, трудно будет вспомнить или понять, почему мне было до них дело.

Из журнала anton_nossik, 26 января 2008

Информационный гений

Что пишет среднестатистический блогер 14 февраля? Или «лытдыбр» («встал, почистил зубы, пошел на работу, вечером пойду в кино»), или поздравления с Днем всех влюбленных, или размышления о том, как пойдет/не пойдет на свидание. В крайнем случае – ничего.

Dolboeb 14-го февраля 2001 года писал: *«Оказывается, сервер Livejournal сопротивляется постановке собственного timestamp всеми способами. Когда он берет сообщение от клиента, то датирует его тем числом, которое выставлено на компе, где бежит клиент. Когда сообщение добавляешь через веб-интерфейс, дата подставляется ЯваСкриптом, и тоже из твоих системных часов»*. Хотя у него, безусловно, было с кем пойти и даже с кем не пойти на свидание, он, разумеется, в этот день встал, почистил зубы и пошел на работу, не хуже других зная, что наступил день Святого Валентина. Просто ему интересно другое.

Носику интересна информация – в самых разных видах, формах и количествах. Факты, статистика, даты, связи между явлениями, закономерности, взаимовлияния и научные курьезы в самых разных областях привлекают Носика, кажется, даже помимо его воли. В результате почти любой его развернутый пост имеет вид статьи для «Вечернего Интернета» – со ссылками на источники информации, с гиперссылками, подтверждающими сделанные им выводы, или с отмеченными им закономерностями, с цифрами и фактами. Даже пост счастливого отца, ребенку которого исполнился месяц.

Лев Матвей Антонович прожил на свете всего 30 дней, а уже второй раз его персональный календарь обременяется какими-то профессиональными сетевыми псевдопраздниками. Начать с того, что родился он²⁹ за 50 минут до «Дня блога», и на весь этот день Лева стал главной новостью в Яндексе. Сегодня младенцу исполняется месяц, а в России некоторые товарищи отмечают 30 сентября День интернета (хотя компанию, лоббировавшую эту дату, давным-давно закрыли и списали в убыток, а доменное имя слили на геймерский сайт³⁰ те же умники, которые по ходу еще угробили бренды Ситилайна и Гласнета и похоронили каталог Ау³¹).

Так что скорбящих о безвременно ушедшем от нас ИнфоАрте поздравляю с Днем интернета, а первенца своего – с первой в его жизни месяцевщиной. Расти большой, Лев Матвей. Нам с тобой очень хорошо, и мой журнал ты тоже очень украсил.

PS: весы показывают **4400** грамм.

Из журнала dolboeb, 30 сентября 2007

– Каждый выпуск «Вечернего Интернета» был огромной аналитической статьей с кучей данных и ссылок, и так почти каждый день. Это редкая работоспособность. Тебя не начало тошнить от такого обилия текстов, которые надо произвести?

– Ну, меня не очень надолго хватило – всего на 440 выпусков.

– Некоторых и на меньшее не хватает.

– Если человек работает журналистом в редакции, каждый день ходит на работу и пишет один текст в день, это значит, что в год он пишет 250 текстов. За два года – 500. А я написал 44 текста с конца 1996-го по начало 2001-го.

---

²⁹ <http://dolboeb.livejournal.com/1022697.html>

³⁰ <http://reborn.ru/>

³¹ <http://www.au.ru/>

- Это ведь были не единственные тексты, которые ты писал за день.
- Как правило, я писал еще один текст для какого-нибудь печатного издания, то есть очень ограниченное количество.
- Иначе говоря, ты не графоман? И сам процесс письма тебя не вставляет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.